

Гендерный разрыв в странах Евразии: Негативные последствия COVID-19

Гендерные разрывы в странах Евразии: Негативные последствия COVID-19

Предисловие

Пандемия COVID-19 высветила социально-экономическую уязвимость женщин, проживающих в регионе Восточного партнерства и в Центральной Азии. Уровень бытового насилия резко возрос; женщины стали выполнять больше неоплачиваемой работы; потоки денежных переводов в домохозяйства снизились; кроме того, женщины особенно сильно пострадали от изменений на рынке труда, поскольку они в большей степени заняты в некоторых наиболее затронутых кризисом секторах, в частности в тех, которые характеризуются высоким уровнем неформальности. В сложившейся ситуации пандемия COVID-19 может отбросить достижения в области гендерного паритета в регионе на 15 лет назад, особенно если разрывы в оплате труда, уровне бедности, доступе к финансам и цифровым возможностям продолжают увеличиваться.

В аналитической записке отражены результаты нашего наблюдения за ситуацией в области гендерного равенства в регионе, которое мы вели с начала пандемии, а также изложены варианты политических решений выявленных проблем. Проект аналитической записки послужил основой для дискуссии на вебинаре ОЭСР, состоявшемся в феврале 2021 года, в котором приняли участие политики, представители гражданского общества и организаций по вопросам развития, а также представители частного сектора из государств-членов ОЭСР и Евразии. Участники вебинара обсудили основные проблемы и варианты поддержки женщин и мужчин в регионе, опираясь на опыт ОЭСР, с целью обеспечения справедливого и инклюзивного восстановления. Представители правительств региона и члены международных и региональных организаций поделились своим опытом и идеями, которые также нашли отражение в настоящей аналитической записке.

Гендерное равенство имеет решающее значение для создания более развитой, устойчивой и инклюзивной экономики. ОЭСР готова продолжить проведение глубокого анализа ситуации в целях укрепления гендерной политики и оказать содействие в реализации предложенных рекомендаций на практике.

Выражение признательности

В данной аналитической записке обобщается работа в области гендерного равенства в странах Восточного партнерства и Центральной Азии, проделанная в рамках Программы ОЭСР по повышению конкурентоспособности стран Евразии. Работа проводилась при участии правительств стран Евразии и в тесном сотрудничестве с представителями международных и региональных организаций, частного сектора и бизнес-ассоциаций региона.

ОЭСР выражает благодарность представителям министерств, частного сектора, бизнес-ассоциаций, неправительственных организаций и других заинтересованных сторон за их готовность делиться с командой ОЭСР ценной информацией, которая способствовала разработке данной аналитической записки, во время вебинара ОЭСР «Гендерные разрывы в Евразии», прошедшего 9 февраля 2021 года. Выражаем особую благодарность г-ну Андреасу Шаалу, директору Секретариата международных отношений ОЭСР; послу Франтишеку Ружичке, постоянному представителю Словацкой Республики при ОЭСР; послу Петеру Буриану, специальному представителю ЕС в Центральной Азии; доктору Кариме Хамид Фарьяби, министру экономики Афганистана; г-же Екатерине Левченко, правительственной уполномоченной по вопросам гендерной политики Украины; г-же Малике Кадирхановой, председателю Комитета Сената по вопросам женщин и гендерного равенства Узбекистана, г-же Эльвире Сурабалдиевой, экс-вице-премьер-министру Кыргызстана, г-же Нино Цилозани, члену Совета по вопросам гендерного равенства Парламента Грузии, а также г-же Лаззат Рамазановой, председателю Национальной комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте Республики Казахстан.

Не менее ценную поддержку оказали представители международных и региональных организаций. Мы благодарны Организации Объединенных Наций за вклад г-жи Алии Эль-Яссир, регионального директора, и г-жи Наргис Азизовой, программного специалиста Регионального офиса структуры «ООН-Женщины» в Европе и Центральной Азии, а также г-жи Элен Конкевич, постоянного представителя ПРООН в Монголии. Г-жа Шарлотта Исакссон, старший советник по гендерным вопросам Европейской службы внешних связей, также любезно предоставила материалы для аналитической записки и вебинара, посвященного вопросам гендерного равенства.

Данная аналитическая записка была подготовлена под руководством г-на Вильяма Томпсона, руководителя подразделения, и г-жи Габриэлы Миранды, старшего аналитика и руководителя отдела в подразделении ОЭСР Евразия. Основными авторами отчета являются г-жа Талиса цур Хаузен, г-н Джефф Аптон и г-жа Ксения Литвиненко, аналитики подразделения Евразия ОЭСР. Г-жа Анна Алексеева и г-жа Диана Карачански внесли ценный аналитический вклад и оказали поддержку в подготовке отчета. Аналитическая записка была проанализирована и дополнена г-ном Карлосом Конде, руководителем подразделения, г-жой Гаэль Феррант, г-жой Мариарозой Лунати и г-жой Сабриной Гаспаррини – экономистами и аналитиками подразделения ОЭСР по Ближнему Востоку и Африке. Г-н Вилем Адема, старший экономист отдела ОЭСР по вопросам социальной политики, жилищного размещения, гендерной и семейной политики, внес полезные комментарии и поделился ценными материалами во время вебинара. Г-н Алессандро Гольо, старший аналитик, и г-н Мишель Чеккини, главный администратор директората занятости, трудовых и социальных вопросов ОЭСР, также внесли ценные комментарии к аналитической записке. Г-жа Пинар Гувен, аналитик отдела по вопросам согласования политики ОЭСР в отношении целей устойчивого развития, поделилась ценными материалами во время вебинара. Г-жа Ванесса Берри Шатлен, советник по коммуникациям и гендерным вопросам Секретариата международных отношений ОЭСР, также предоставила полезные комментарии. Г-жа Элиза Ларракоэча из подразделения Евразия ОЭСР выполнила окончательную редактуру документа и его графическое оформление.

Оглавление

Предисловие	3
Выражение признательности	4
1. Последствия кризиса	11
Проблемы в области общественного здравоохранения, которые COVID-19 преподнес мужчинам и женщинам	12
Превалирование женщин в секторе услуг по уходу подвергает их опасности инфицирования COVID-19	18
Теневая пандемия: рост бытового насилия	18
Социально-экономические издержки COVID-19	21
Ресурсы и источники устойчивости.....	26
Цифровые разрывы и неравенство при принятии решений в государственном и частном секторах	29
2. Планирование восстановления	32
Расширение охвата услуг общественного здравоохранения	32
Защита неприкосновенности женщин и снижение уровня бытового насилия	34
Поддержка расширения экономических прав и возможностей женщин и повышения их благополучия.....	36
Повышение влияния женщин в политической и частной сферах	39
Более качественные данные для более качественной политики	41
На этот раз должно получиться.....	42
Список литературы.....	43

Таблицы

Таблица 1. Варианты политики.....	9
-----------------------------------	---

Рисунки

Рисунок 1. Заболеваемость и смертность от COVID-19 в отдельных странах с разбивкой по полу (ноябрь 2020 г.).....	13
Рисунок 2. Структура расходов на здравоохранение в странах Евразии и ОЭСР, 2018 г.....	17
Рисунок 3. Распространенность насилия со стороны интимного партнера (IPV) и оправдание IPV, 2019 г.	19
Рисунок 4. Распределение неоплачиваемой работы по дому в Евразии (согласно последним доступным данным)	21
Рисунок 5. Гендерный разрыв в оплате труда в Евразии	24
Рисунок 6. Вовлеченность женщин и мужчин в состав рабочей силы (смоделированная оценка MOT), в %, 2019 г.	25
Рисунок 7. Занятость в сельском хозяйстве (% от общей занятости, женщины и мужчины), 2019 г.	26
Рисунок 8. Неформальная и незащищенная занятость среди мужчин и женщин (согласно последним доступным данным).....	27
Рисунок 9. Меры повышения доступности финансовых услуг	28
Рисунок 10. Доля мест, занимаемых женщинами в национальных парламентах (2020 г.).....	30

Блоки

Блок 1. Последствия COVID-19 для <i>мужчин</i>	13
Блок 2. Дело «Левчук против Украины» в Европейском суде по правам человека	21
Блок 3. Улучшение здоровья мужчин за счет устранения воздействия норм маскулинности на общество.....	34
Блок 4. Инициатива «Women Go Tech» в Литве	41

Основные положения

Уровень гендерного неравенства в странах Восточного партнерства (ВП) и Центральной Азии значительно превышает среднемировые показатели и остро ощущается в различных областях экономики, здравоохранения и социальной защиты. Структурное наследие посткоммунизма позволило странам Евразии достичь сравнительно неплохих показателей в определенных аспектах гендерного равенства, однако многочисленные данные указывают на значительные проблемы в области гендерного равенства в регионе, а политические институты оказывают малую поддержку – а в некоторых случаях препятствуют – расширению прав, возможностей и защищенности женщин.

Например, в 2019 году в странах Центральной Азии был зафиксирован самый высокий в мире уровень домашнего насилия. Данные за тот же год показывают, что женщины в Евразии зарабатывают в среднем на 30 % меньше коллег-мужчин, что почти в три раза превышает средний показатель стран-членов ОЭСР. Столь плачевная для женщин ситуация сформировалась не в вакууме, и значительная доля вины лежит на тех, кто определяет направление национальной политики.

В таких условиях регион столкнулся с пандемией COVID-19 в начале 2020 года. Несмотря на более высокую смертность мужчин от COVID-19, в других областях пандемия ударила сильнее именно по женщинам и увеличила и без того значительное социально-экономическое неравенство в регионе: женщины столкнулись с резким ростом домашнего насилия в период изоляции, отсутствием доступа к жизненно необходимым услугам в области сексуального и репродуктивного здоровья и более массовой потерей рабочих мест и дохода по сравнению с мужчинами.

Авторы документа ставят перед собой три цели. Во-первых, представить основанную на имеющихся данных аналитическую оценку гендерных разрывов в странах Евразии (ситуация до и во время пандемии). Эта цель предусматривает глубокий анализ вопросов здравоохранения, в том числе охраны психического здоровья, бытового насилия, разрыва в уровне заработной платы и занятости, а также бремени домашних забот. Аналитическая записка дает оценку финансовой инклюзивности жителей стран Евразии с гендерной точки зрения с учетом доступа к владению и управлению банковскими счетами, наличия сбережений в финансовых учреждениях и гендерных различий в уровне финансовой грамотности. Во-вторых, в документе приводится критическая оценка существующих институциональных и политических механизмов для продвижения гендерного равенства в этих областях в регионе. Наконец, в аналитической записке представлен ряд рекомендаций, основанных на передовой практике ОЭСР и призванных обеспечить инклюзивное восстановление с учетом гендерного фактора путем определения способов содействия расширению экономических возможностей женщин и повышению уровня их социального благополучия, усилению влияния женщин в общественной и политической жизни, защите физической неприкосновенности женщин, снижению уровня домашнего насилия и созданию всеобъемлющей системы общественного здравоохранения. В документ также включены рекомендации, как обеспечить равный доступ для женщин стран Евразии к новейшим экономическим и технологическим инструментам. Сбор высококачественных данных и учет гендерных вопросов в процессе принятия государственных решений определены как неперемные условия прогресса.

ОЭСР рассматривает гендерное равенство не только в качестве нравственного императива, но и как необходимую и дальновидную политическую стратегию. Например, результаты исследования опыта государств-членов ОЭСР свидетельствуют о том, что если уровень участия женщин в рабочей силе достигнет уровня участия мужчин к 2030 году, то подобная конвергенция обеспечит рост ВВП на 12 %. Социальные издержки исключения женщин из процесса принятия решений

также становятся все более очевидными. Подобные свидетельства имеют особенное значение в контексте планов восстановления региона после пандемии COVID-19, ведь качество решений, принимаемых сегодня, определит уровень социально-экономических показателей завтра.

Данная аналитическая записка ОЭСР освещает многочисленные гендерные разрывы, с которыми сталкиваются женщины стран Евразии, а также содержит рекомендации, учитывающие гендерные факторы для достижения инклюзивного восстановления, что в итоге поможет региону преодолеть последствия пандемии COVID-19 *по принципу «лучше, чем было»*.

Таблица 1. Варианты политики

Приоритеты	Типы поддержки	Варианты политики
Здравоохранение	Повышенное внимание к охране здоровья матери и ребенка	Инициативы телездравоохранения и оказание услуг в школах, общественных местах Бесплатные медицинские услуги и услуги тестирования Активизация профилактических мероприятий и информационных кампаний
	Совершенствование системы здравоохранения Евразии	Крупные инвестиции в устаревшие и дорогостоящие системы здравоохранения Реализация комплексной и основанной на фактических данных стратегии общественного здравоохранения Устранение регионального неравенства путем организации работы мобильных клиник и услуг по уходу
	Гендерный аспект в стратегии иммунизации против COVID-19	Предоставление достоверной информации в процессе развертывания стратегии, информирование о возможных побочных эффектах, особенно для беременных женщин и уязвимых групп Использование опыта местных экспертов по гендерным вопросам при разработке стратегий иммунизации; Координация действий с работниками первой линии (в плане доступа к СИЗ, равного и своевременного вознаграждения) Тесное сотрудничество с организациями гражданского общества, во главе которых стоят женщины и молодежь
Бытовое насилие	Доступные механизмы для сообщения о насилии	Виртуальная и бесплатная психологическая поддержка, круглосуточная горячая линия Масштабные информационные кампании, охватывающие жертв и преступников Использование кодовых слов в общественных местах и переоборудование отелей (неиспользуемых помещений) в убежища
	Совершенствование сбора данных о гендерном насилии	Комплексный сбор данных о гендерном насилии Более широко доступные механизмы подачи анонимных жалоб и регулярные опросы
	Совершенствование законодательства и укрепление правоприменения	Разработка национальной гендерной стратегии в консультации со всеми заинтересованными сторонами Принятие законов о криминализации гендерного насилия и защите жертв Подписание, ратификация и выполнение Стамбульской конвенции Присоединение к Биаррицкому партнерству во имя гендерного равенства
	Механизмы цифровой защиты	Удаленный доступ к юридическим и судебным ресурсам: виртуальное судопроизводство, оказание юридической помощи Признание кибернасилия формой гендерного насилия
	Координация усилий, тренинги и информационные кампании	Координация действий служб здравоохранения, полиции и правосудия, ОГО, международных организаций Борьба с гендерными стереотипами и социальными позициями, одобряющими гендерное насилие Проведение специализированных тренингов для сотрудников полиции, работающих непосредственно с правонарушителями и жертвами
Расширение экономических и политических прав и возможностей женщин	Поддержка при выполнении неоплачиваемой работы по дому	Применение инструментов социальной политики (например, отпуск по уходу за ребенком) для поощрения участия мужчин в неоплачиваемой работе по дому Оказание доступных (бесплатных) услуг по уходу за детьми и престарелыми родственниками Совершенствование политики в области инфраструктуры, социальной защиты и оказания социальных услуг Содействие формализации сектора путем повышения заработной платы, улучшения условий труда По возможности отказ от закрытия школ / дошкольных учреждений Государственная поддержка малообеспеченных семей, оказание семьям экстренных услуг по уходу за детьми

Приоритеты	Типы поддержки	Варианты политики
	<p>Расширение системы социальной защиты с учетом гендерных факторов</p>	<p>Введение оплачиваемого отпуска по болезни, страхования от безработицы, адресных схем выплаты наличных, предоставление налоговых льгот</p> <p>Выплата пособий по безработице и их распространение на работников с нестандартной формой занятости, упрощение доступа к пособиям для малоимущих семей</p>
	<p>Разработка механизмов адресного финансирования</p>	<p>Оказание поддержки ликвидности (предоставление грантов / отсрочки по уплате налогов) наиболее пострадавшим секторам</p> <p>Выплата пособий / денежных переводов работникам неформального сектора для обеспечения уровня минимального дохода</p> <p>Выделение потоков финансирования или резервирование участия в кредитных программах в сочетании с реализацией программ нефинансовой поддержки, например, оказания услуг по развитию бизнеса (консультации, тренинги)</p> <p>Упрощение доступа к цифровому банкингу; реализация общенациональных программ повышения финансовой грамотности</p>
	<p>Усиление влияния женщин в политической сфере</p>	<p>Следование <i>Рекомендации Совета ОЭСР по вопросам гендерного равенства в общественной жизни</i></p> <p>Обеспечение равного доступа к участию в общественной жизни, включая политику, судебную систему и государственное управление</p> <p>Обеспечение подотчетности и устойчивости гендерных инициатив</p>
	<p>Увеличение количества женщин на руководящих должностях в частном секторе</p>	<p>Установление целевых показателей или квот на число женщин на руководящих должностях</p> <p>Внедрение программ обучения и наставничества для женщин</p> <p>Обеспечение учета гендерных аспектов в политике, регулирующей деятельность рынка труда, и сокращение гендерного разрыва в оплате труда</p> <p>Предложение семьям пакетов поддержки, включая декретный отпуск для матерей и отцов, гибкий график работы, программы повышения квалификации и сохранения рабочего места для женщин</p>
	<p>Совершенствование сбора данных</p>	<p>Генерирование, сбор и использование статистических данных с разбивкой по полу для разработки политики, основанной на фактах</p> <p>Сбор индивидуальных данных, а не данных о домохозяйствах</p> <p>Получение доступа к региональным данным через информационные порталы, например портал данных ОЭСР о гендерном равенстве</p>
<p>Информационные кампании</p>	<p>Государственно-частные кампании, направленные на борьбу с гендерными стереотипами и социальными установками</p>	

1. Последствия кризиса

Пандемия COVID-19 имела разрушительные последствия для социально-экономической жизни стран Евразии¹ — последствия, отголоски которых будут ощущать многие поколения женщин. Во всем регионе резко возрос уровень бытового насилия, женщины стали выполнять больше неоплачиваемой работы, жизненно важные денежные переводы в домашние хозяйства из-за границы сократились, а положение женщин на национальных рынках труда стало настолько плачевным, что свело на нет все те успехи, которых удалось добиться с момента обретения независимости странами региона.

Пандемия оказала огромное негативное влияние на социально-экономическую жизнь стран региона и особенно ярко подчеркнула гендерные разрывы, с которыми все еще сталкиваются женщины. Режим изоляции и закрытие школ привели к тому, что на женщин легло дополнительное бремя домашних забот — например, в Кыргызстане и Казахстане объем домашних обязанностей женщин, по сообщениям, увеличился на 80 %. Бремя домашних забот было тяжелым по мировым стандартам еще до пандемии: в 2019 году женщины в регионе тратили на неоплачиваемую работу по дому в среднем пять часов в день, в то время как мужчины тратили на подобную неоплачиваемую работу в среднем не более двух часов в день.

Данные после первого карантина весной 2020 года показывают, что женщины столкнулись с более сильным сокращением оплачиваемых часов работы и более высоким уровнем безработицы преимущественно из-за трудоустройства на уязвимых должностях и в сильно пострадавших секторах экономики, а также ввиду высокого объема домашних обязанностей. Например, продолжительность рабочего времени женщин сократилась на 42,6 % в Азербайджане и на 31 % в Грузии (UN Women, 2020_[11]). Из-за роста уровня безработицы, сокращения рабочего времени и заработной платы существующие разрывы в оплате труда и вовлеченности в состав рабочей силы с высокой вероятностью продолжают увеличиваться.

В то же время в распоряжении женщин стран Евразии находится меньше ресурсов, которые помогли бы им в какой-то мере защититься от неблагоприятных последствий пандемии, — у них мало сбережений и ограниченный доступ к финансовым инструментам. Они также с большей вероятностью занимают уязвимые позиции, в основном в неформальной экономике, что практически лишает их доступа к программам социального обеспечения.

В 2019 году эксперты *Всемирного экономического форума* (2019_[2]) подсчитали, что с учетом преобладавших в то время тенденций Восточной Европе и Центральной Азии для достижения гендерного паритета потребуется 107 лет. Пандемия COVID-19, в свою очередь, может увеличить этот срок ввиду своего усугубляющего влияния на уже существующие проблемы (UN Women, 2020_[3]). Исследование, проведенное ОЭСР до пандемии COVID-19, показало, что если к 2030 году уровень участия женщин в рабочей силе достигнет уровня участия мужчин, то ВВП вырастет на 12 % (OECD, 2012_[4]). Если бы Евразия действительно была на пути достижения гендерного паритета в социальных институтах к 2030 году, показатель ВВП в регионе увеличился бы на 0,4 % ежегодно и достиг почти 3.000 долларов США на душу населения (OECD, 2019_[5]). Более поздние глобальные исследования, проведенные в 2020 году, показывают, что в отсутствие мер

¹ Термином «Евразия» в настоящем документе именуется страны, участвующие в Программе повышения конкурентоспособности стран Евразии, реализуемой ОЭСР, а именно: Афганистан, Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Монголия, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан.

противодействия регрессивным для гендерного равноправия последствиям пандемии мировой ВВП к 2030 году может быть на 1 триллион долларов США меньше, чем в ситуации, если бы уровень безработицы женщин снизился до уровня безработицы мужчин в каждом экономическом секторе (Mahajan et al., 2020^[6]). Таким образом, более инклюзивная и всеобъемлющая программа восстановления после пандемии будет иметь решающее значение для будущего процветания и обеспечения справедливости. Однако для того, чтобы это стало возможным, вопросы расширения прав и возможностей женщин и достижения гендерного равенства должны быть включены в политическую повестку во всех отраслевых министерствах и на всех уровнях государственного управления (OECD, 2017^[7]). Расширение прав и возможностей женщин дает преимущества как женщинам, так и мужчинам, и игнорировать эти преимущества в контексте кризиса непозволительно.

В настоящем документе описаны проблемы в области общественного здравоохранения и социально-экономической сфере, которые пандемия COVID-19 усугубила для женщин Евразии, а также представлен ряд рекомендаций, потенциально позволяющих эти проблемы преодолеть. Рекомендации учитывают международный опыт, который поможет улучшить благосостояние женщин и мужчин в регионе.

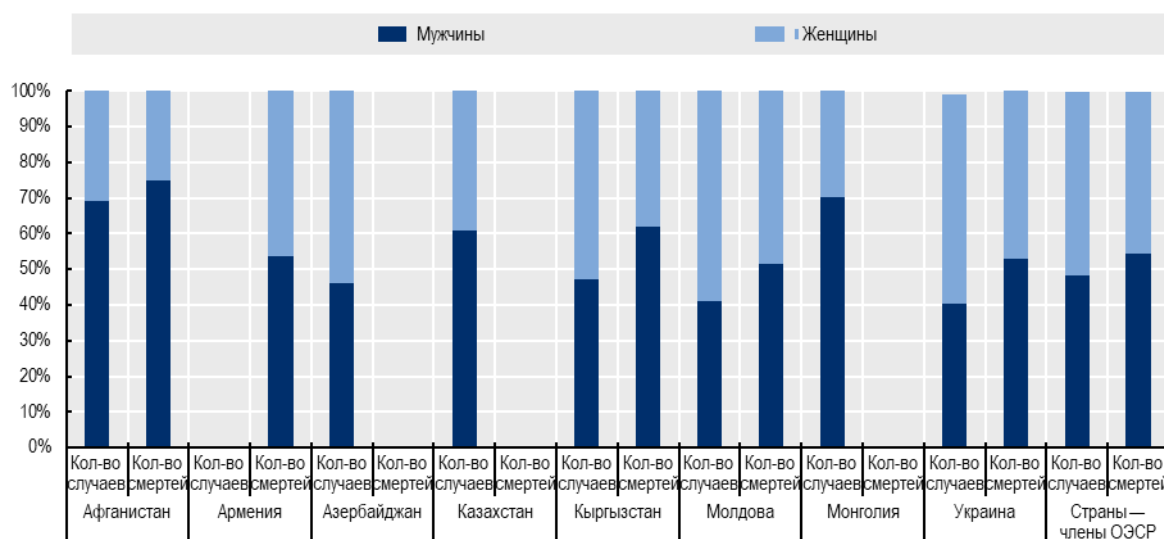
Проблемы в области общественного здравоохранения, которые COVID-19 преподнес мужчинам и женщинам

Доступ к основным медицинским услугам был ограничен

Мужчины подвержены более высокому риску заболевания и смертности от COVID-19 (Рисунок 1 Рисунок 1 и Блок 1), в то время как женщины сталкиваются с менее очевидными последствиями для здоровья – при этом для Евразии характерны определенные особенности. Во время пандемии **доступ к жизненно необходимым услугам в области сексуального и репродуктивного здоровья был ограничен**. Исследование, проведенное структурой «ООН-Женщины» и охватившее Грузию, Азербайджан, Молдову, Казахстан и Кыргызстан, показало, что женщины столкнулись с особыми трудностями в получении доступа к услугам в области сексуального и репродуктивного здоровья в период изоляции. В Казахстане более 80 % опрошенных женщин не пользовались услугами по охране здоровья матери во время изоляции. В Афганистане 43 % женщин не могли попасть в медицинские центры, тогда как среди мужчин этот показатель равнялся 36 % (UN Women, 2020^[11]). Исследования, моделирующие развитие пандемии, показывают, что материнская смертность в странах с низким и средним уровнем дохода² может вырасти на 8–38 % по сравнению с 2019 годом в результате ограничения доступа к основным услугам (Robertson et al., 2020^[8]). Например, во время кризиса, вызванного лихорадкой Эбола, коэффициент материнской смертности в Либерии вырос на 110 %, поскольку ресурсы перераспределялись из регионов с и без того низким уровнем медицинского обслуживания (Pорова, Evans and Goldstein, 2015^[9]). Эти данные показывают, насколько важно предпринимать усилия по избежанию такого потенциально опасного для жизни перераспределения ресурсов, которое тем не менее уже происходит в странах Евразии.

² В 118 странах: <https://www.thelancet.com/action/showPdf?pii=S2214-109X%2820%2930229-1>.

Рисунок 1. Заболеваемость и смертность от COVID-19 в отдельных странах с разбивкой по полу (ноябрь 2020 г.)

Примечание: отражены все доступные данные по странам Евразии с 16 ноября 2020 года. Совокупный показатель ОЭСР не включает Ирландию и Корею.

Источник: (HDX, 2020₍₁₀₎).

Блок 1. Последствия COVID-19 для мужчин

В большинстве стран мира, включая страны Евразии, для **мужчин характерны более высокая частота заболеваемости COVID-19 в тяжелой форме и более высокие показатели смертности** от этого вируса (Рисунок 1)³. В 100 странах, по которым доступны статистические данные с разбивкой по полу, на мужчин приходилось примерно 58 % смертей от COVID-19, несмотря на то что они составляли лишь половину всех зарегистрированных случаев. Более того, данные о ежедневных показателях смертности от COVID-19 в десяти европейских регионах подтвердили стабильно более высокий уровень смертности среди европейских мужчин, чем среди европейских женщин, почти во всех возрастных группах. Гораздо меньше стран приводят данные о госпитализации в стационар и в отделения интенсивной терапии (ОИТ) с разбивкой по полу, но и эти немногочисленные данные также

³ Около двух третей стран, по которым доступны данные о COVID-19 с разбивкой по полу, сообщают о более высоких показателях инфицирования мужчин (HDX, 2020), но это может быть статистическим артефактом. Разница в уровне *инфицирования* может отражать данные отчетности. Ранее исследование показало, что мужчины и женщины подвержены инфицированию *в равной степени* (Jian-Min et al., 2020). Тем не менее, многие случаи инфицирования без выраженных симптомов нигде не регистрируются, ввиду чего мужчины, у которых симптомы проявляются чаще (и в более серьезной форме), будут преобладать и в официальной статистике. Так, в апреле 2020 года власти США сообщили, что 56 % прошедших тестирование на COVID-19 составляли мужчины и 44 % — женщины; у мужчин также отмечалась более высокая частота получения положительных результатов тестирования. Поскольку тестирование чаще проходили люди, имеющие симптомы заболевания, такой результат согласуется с гипотезой о том, что у мужчин болезнь примет более серьезную форму даже при условии одинакового уровня инфицирования среди обоих полов (Curley, 2020₍₁₄₎).

свидетельствуют о значительном преобладании мужчин среди пациентов медицинских учреждений⁴. Более того, несмотря на то что исследования различий в выработке антител представителями разных полов все еще находятся в начальной стадии, одно из недавних исследований подтверждает, что продолжительность периода защиты после перенесенной инфекции SARS-CoV-2 у женщин и мужчин различается, и у последних уровень нейтрализующих антител снижается быстрее, что, среди прочего, может повлиять на эффективность вакцин для мужчин (Grzelak et al., 2020^[11]).

Предполагается, что у такого гендерного различия есть несколько причин, среди которых как биологические факторы, так и вредные привычки. В целом, у мужчин более слабая иммунная система, и они подвержены более высокому риску развития серьезных заболеваний, например, болезни сердца, высокого артериального давления и заболеваний печени – заболеваний, часто связанных с факторами образа жизни мужчин. Некоторые исследования указывают на конкретные факторы, которые могут повысить вероятность развития тяжелых заболеваний у мужчин.

Поведенческие факторы, по всей видимости, также играют определенную роль: в большинстве стран мужчины больше курят и употребляют алкоголь, и чаще посещают массовые мероприятия и места скопления людей (например, спортивные мероприятия). В недавнем отчете, подготовленном организацией Promundo, была выявлена взаимосвязь между характерными для мужчин нормами поведения, установками, идентичностью, динамикой власти и их влиянием на здоровье мужчин. Согласно данным ГББ⁵ за 2016 год, шесть поведенческих факторов в отношении здоровья — плохое питание, курение, употребление алкоголя, профессиональные риски, незащищенный секс и употребление наркотиков — приводят к 70 % болезней мужчин в мире. Мужчины также менее склонны принимать меры профилактики заболеваний и своевременно обращаться за помощью врачей; такое нежелание может быть связано с представлениями о мужественности (например, убеждения, что ношение масок и соблюдение социальной дистанции являются проявлением страха и др.).

Adams (2020, с. 39^[12]) также указывает на интересную положительную корреляцию между вовлеченностью женщин в состав рабочей силы и уровнем их смертности от вируса и высказывает предположение о том, что «работа может быть связана с более высокой распространенностью проблем со здоровьем и большей подверженностью риску заболевания коронавирусной инфекцией». Ввиду снижения показателей участия в рабочей силе среди женщин в регионе в сочетании с биологическими факторами, ограниченным доступом к здравоохранению и серьезными вспышками заболеваемости среди групп мужчин-мигрантов мужчины в Евразии могут быть более подвержены риску заболеть COVID-19.

Источники: (Pfeffer and Oudit, 2020^[13]); (Curley, 2020^[14]); (Ragonese, 2019^[15]) (Linda Ahrenfeldt, 2020^[16]).

⁴ В 28 странах, представивших отчеты, на долю мужчин приходилось 54,5 % случаев госпитализации; в 17 странах, представивших отчеты о частоте госпитализации в отделения интенсивной терапии, мужчины составляли 65,5 % пациентов ОИТ. См. <https://globalhealth5050.org/the-sex-gender-and-covid-19-project/>, дата обращения: 6 января 2021 года.

⁵ Глобальное бремя болезней, <http://www.healthdata.org/>.

Более того, COVID-19 серьезно **нарушил работу служб профилактики и лечения неинфекционных заболеваний (НИЗ)**, которые могут по-разному влиять на мужчин и женщин в зависимости от заболевания и местоположения. Экспресс-оценка ВОЗ, проведенная в мае 2020 года, показала, что 75 % из 39 стран⁶ столкнулись с определенными перебоями в предоставлении услуг, связанных с НИЗ. Массовые обследования населения (например, с целью обнаружения рака груди и шейки матки) также были отложены более чем в половине этих стран (WHO, 2020_[17]).

В некоторых странах Евразии, особенно в нестабильных и затронутых конфликтом регионах, где институциональный потенциал и спектр услуг довольно ограничены, доступ к медицинским услугам для женщин был особенно затруднен. ОЭСР (2008, р. 19_[18]) подтверждает, что «в ситуации повышенной нестабильности способность государства предоставлять медицинские услуги резко снижается, в то время как спрос на них растет». В охваченном войной Донбассе и оккупированном Россией Крыму женщины имели ограниченный доступ к медицинским услугам в период изоляции из-за закрытых границ, что подвергало их жизнь большому риску (Romanenko, 2020_[19]). Женщины в регионе, в частности в Афганистане, также сталкиваются с ограниченным доступом к услугам из-за труднодоступности и удаленности медицинских учреждений и центров тестирования, а также из-за социальных и культурных норм, ограничивающих женщин за пределами дома. Лишь 15 % медсестер и 2 % врачей в Афганистане — женщины, что привело к массовой нехватке медицинского персонала в области охраны женского здоровья (UNICEF, 2020_[20]). Таким образом, при реализации политики в области общественного здравоохранения необходимо учитывать такие важнейшие факторы, как предоставление услуг в нестабильных условиях, гендерное разнообразие потребностей и доступа к медицинской помощи (Gupta and Faizi, 2020_[21]; OECD, 2008_[18]).

COVID-19 привел к резкому росту расстройств психического здоровья

Пандемия COVID-19 вызвала **повсеместный психологический стресс** из-за экономических потрясений, социальной изоляции, роста уровня бытового насилия и боязни инфицирования. Чрезвычайная рабочая нагрузка, риск инфицирования и смерть пациентов подрывают психическую стабильность медицинских и социальных работников, находящихся на передовой борьбы с пандемией; при этом женщины составляют большинство работников данных сфер во многих странах (UN, 2020_[22]). Кроме того, структура «ООН-Женщины» обнаружила, что молодые матери и беременные женщины особенно подвержены беспокойству и депрессии, вызванными трудностями в доступе к медицинским услугам, отсутствием социальной поддержки и тревогами, связанными с COVID-19.

Многие страны сообщили о росте показателей самоубийств во время пандемии (Harding, 2021_[23]), и Евразия не стала исключением. Несмотря на то что во время пандемии от обострения психических расстройств страдают и мужчины, и женщины, - женщины в среднем чаще испытывают негативные последствия пандемии на психическое состояние. Например, СМИ сообщают о многочисленных попытках самоубийства среди афганских женщин из-за всплеска бытового насилия (Cousins, 2020_[24]). В Афганистане 78 % женщин и 77 % мужчин сообщили, что их психическое и эмоциональное здоровье с начала кризиса ухудшилось, что вызывает крайнюю озабоченность ввиду того факта, что ежегодные государственные расходы на психиатрические услуги в стране не достигают 1 доллара США на душу населения (IRC, UN Women, Roshan, 2020_[25]). В Грузии опросы также указывают на повышенный уровень диагностирования психических расстройств как среди мужчин, так и среди женщин. К частым симптомам относятся нарушение адаптивной реакции (40,7 % женщин, 31 % мужчин), депрессия (30,3 % женщин, 25,27 % мужчин) и тревожность (23,9 % женщин, 21 % мужчин) (Makhashvili, 2020_[26]). Около 20 % пациентов с COVID-19 получают диагноз какого-либо психического расстройства в течение трех месяцев после получения положительного результата теста на вирус, в то время как каждому

⁶ В оценку ВОЗ включены Армения, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Казахстан, Молдова, Туркменистан, Украина и Узбекистан.

четвертому из них ранее не диагностировали расстройств психического здоровья (Taquet et al., 2020_[27]). В Украине, где уровень самоубийств до пандемии был выше, чем в среднем по Восточной Европе, психическое здоровье остается крайне стигматизированной темой, и лишь немногие жители страны обращаются за помощью (WHO, 2020_[28]).

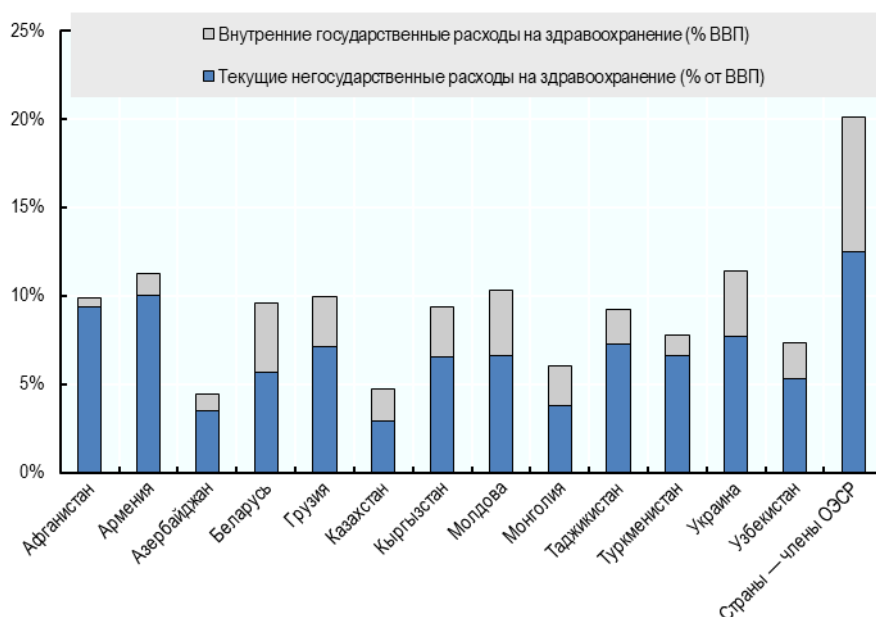
По данным ВОЗ, пандемия частично или полностью подорвала способность систем здравоохранения 93 % стран мира оказывать основные услуги в области психического здоровья, в то время как спрос на такие услуги значительно вырос (WHO, Pan American Health Organization, 2020_[29]). Исследование, проведенное в 130 странах, показало, что в 61 % стран наблюдались перебои в оказании услуг по охране психического здоровья женщин, нуждающихся в помощи в дородовой или послеродовой период. Большинство стран сообщили о перебоях в работе служб оказания психологической помощи в школах (78 %) и на рабочем месте (75 %).

Высокие расходы на здравоохранение могут влиять на частоту обращения женщин за лечением на фоне растущей потребности в таком лечении

Системы здравоохранения во всех странах Евразии пострадали от недостаточного финансирования и коррупции, оказание медицинских услуг было нестабильным, и доступ к ним был «затруднен из-за ограниченного количества персонала и современного оборудования, особенно за пределами крупных городов» (OECD, 2018_[30]). По данным Всемирного банка, большинство стран региона экономят на здравоохранении (в процентах от ВВП), и соответствующие расходы значительно ниже среднемирового показателя (Рисунок 2). Некоторые из стран, например, Украина, находятся в процессе преодоления пережитков советского здравоохранения, отдавая предпочтение лечебным услугам, а не профилактике, больницам, а не амбулаторному лечению, и специалистам, а не сотрудникам первой медико-санитарной помощи (Twigg, 2017_[31]).

Пандемия, вынудившая правительства пересмотреть приоритеты в расходовании бюджетных средств и расширить оказание услуг в области здравоохранения, подчеркнула существующее **неравенство в области здравоохранения в Евразии**. Из-за высоких затрат на здравоохранение в некоторых странах граждане вынуждены самостоятельно оплачивать большую часть расходов, связанных со здоровьем. Женщины, которые, как правило, изначально имеют более скромную финансовую «подушку безопасности», не всегда могут позволить себе дорогостоящее лечение, что потенциально приводит к отказу от жизненно важных профилактических визитов к врачам. Медицинское страхование в регионе находится на низком уровне развития: до 80 % населения в Азербайджане и Казахстане не были застрахованы в период изоляции. Учитывая тот факт, что пандемия ограничила доходы домохозяйств, частная медицинская помощь стала еще менее доступной. Как показано на Рисунок 2, около 56 % расходов на здравоохранение в Евразии покрывается за счет собственных средств пациентов, тогда как в странах-членах ОЭСР этот показатель равен 38,5 %. В некоторых странах доля домохозяйств в покрытии расходов на здравоохранение высока даже в некризисные времена, что создает серьезные препятствия на пути доступа к медицинской помощи. Это особенно актуально для бедных и уязвимых домохозяйств и способствует дальнейшему росту социальных и экономических разрывов в регионе (World Bank, 2017_[32]).

Рисунок 2. Структура расходов на здравоохранение в странах Евразии и ОЭСР, 2018 г.

Источник: (World Bank, 2017^[32]).

Реализация программ вакцинации против COVID-19 может быть затруднена из-за гендерных норм

В последние десятилетия стало ясно, что **гендерные барьеры на пути доступа к вакцинам**, а также исследования и разработки вакцин представляют собой серьезную проблему. Социальные и культурные нормы, диктующие роль женщины в обществе, нередко создают препятствия для доступа женщин к услугам здравоохранения. В некоторых регионах женщины ограничены в контроле над ресурсами и принятии решений в домохозяйстве и потому нередко не могут обратиться за медицинской и профилактической помощью, включая вакцинацию (GAVI, 2021^[33]). Кроме того, несмотря на то что среди медицинских работников в отдаленных и охваченных конфликтами регионах преобладают женщины, в роли специалистов, проводящих вакцинацию, выступают, как правило, мужчины, что ограничило доступ некоторых женщин к вакцинации (GAVI, 2021^[33]). При разработке различных стратегий вакцинации в Евразии гендерный анализ не проводился. Все страны региона, за исключением Казахстана и Туркменистана, будут получать вакцину по программе COVAX (WHO, 2021^[34]), однако обеспечение достаточного количества доз остается серьезной проблемой для региона, что делает распространение вакцины критически важным. В феврале 2021 года в Азербайджане, Грузии, Казахстане и Украине началась вакцинация (The Astana Times, 2021^[35]; Eurasianet, 2021^[36]; Agenda.ge, 2021^[37]) (Kyiv Post, 2021^[38]).

По мере развертывания кампаний по вакцинации важно **учитывать аспекты общественного здравоохранения и равенства**. Некоторые страны в регионе и за его пределами столкнулись со скандалами, связанными с обвинениями в контрабанде вакцин и внеочередной вакцинации привилегированных групп. Несмотря на то что это не только гендерный вопрос — он касается в большей степени территориального неравенства и неравенства доходов, а также проблем доступа для людей из группы риска, — непропорционально большое количество женщин во многих уязвимых группах (например, работники, оказывающие услуги по уходу) придает ему важное гендерное измерение. Международное сотрудничество и помощь международных организаций по-прежнему имеют решающее значение для обеспечения возможности вакцинации всего населения в регионе, что позволит мужчинам и женщинам вернуться к нормальной жизни.

Превалирование женщин в секторе услуг по уходу подвергает их опасности инфицирования COVID-19

Среди медицинских и социальных работников в регионе, как и во всем мире, преобладают женщины (70 %). В Кыргызстане и Украине женщины составляют 82 и 83 % медицинских работников соответственно (Romanenko, 2020_[19]) (UN Women Ukraine, 2020_[39]). В Казахстане этот показатель достигает 73 % (OECD, 2021_[40]).

Будучи сотрудниками, оказывающими первичные услуги по уходу, женщины часто подвергаются большому риску инфицирования. По состоянию на 1 августа из 71 056 случаев инфицирования COVID-19, зарегистрированных в Украине, 8 693 приходились на медицинских работников (12 %) (UNIAN, 2020_[41]). К середине ноября эта доля упала примерно до 5 %, которые, однако, к тому времени соответствовали более чем 26 000 медицинских работников. Риск для медицинских работников не только не снизился, но и увеличился — изменяющийся процент отражает лишь гораздо более быстрый рост общего числа случаев инфицирования. Аналогичным образом, в Казахстане зарегистрировано 12 983 случая инфицирования медицинских работников (на 21 октября) из общего числа в 90 000. Нехватка средств защиты при оказании неотложной помощи, таких как маски и защитные костюмы, подвергает этих работников повышенному риску инфицирования. В Кыргызстане 73 % женщин сообщили о проблемах с доступностью средств защиты по сравнению с 64 % мужчин — это соответствует ситуации, с которой столкнулись женщины в Казахстане (75 %), но она хуже, чем в Молдове (40 %) и Азербайджане (47 %) (UN Women, 2020_[11]). Одно из исследований, проведенных в Украине в 2020 году, показало, что лишь 14 % медицинских работников женского пола были полностью обеспечены средствами индивидуальной защиты (UN Women Ukraine, 2020_[39]).

Женщины также более уязвимы ввиду того, что заботятся о пожилых людях и представителях уязвимых групп. В советское время уход за пожилыми людьми преимущественно осуществляло государство. Однако после 1991 года обязанности долгосрочного ухода или ухода на дому в регионе легли в большинстве случаев на женщин, и эти обязанности нередко являются одновременно неоплачиваемыми и не предоставляют социальных гарантий (OECD, 2020_[42]). По оценкам, 76,8 % медицинских работников в Европе и Центральной Азии составляют женщины, при этом показатели варьируются от 71,7 % в Казахстане до 82 % в Украине. Эти показатели ниже среднего показателя по странам-членам ОЭСР, равного 90 % (OECD, 2020_[42]).

Теневая пандемия: рост бытового насилия

В Евразии, как и во всем мире, меры изоляции и карантина были связаны с повышенным физическим риском для женщин из-за роста уровня бытового насилия. Пандемия в неприглядном свете показала, насколько многие сообщества не готовы к защите жертв насилия со стороны интимного партнера (EIGE, 2020_[43]; OECD, 2020_[44]). В связи с тем, что COVID-19 связан с ограничением возможности передвижения и стрессом ввиду угрозы бедности, а также с сокращением сезонной миграции, на фоне которой уровень домашнего насилия обычно снижается, **бытовое насилие в Евразии резко возросло**. Это явление было названо *«теневой пандемией»*, и больше всего от нее страдают женщины и дети.

Страны Центральной Азии характеризовались самыми высокими уровнями бытового насилия в мире еще до пандемии. В 2019 году почти 20 % всех женщин Центральной Азии⁷ сообщили о том, что хотя бы раз в жизни подвергались насилию со стороны интимного партнера (IPV); в Восточной Европе⁸ этот показатель достиг 17 %, в странах Закавказья⁹ — 11 %, что

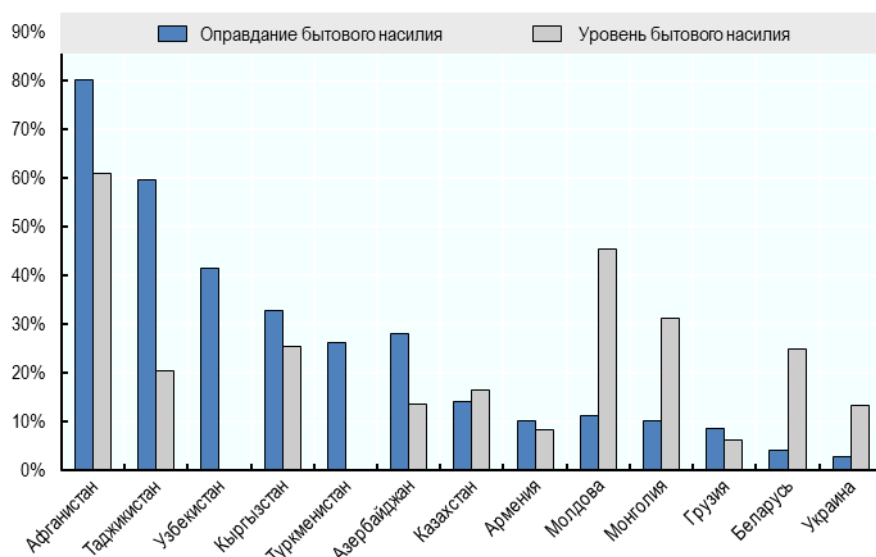
⁷ Казахстан, Кыргызстан, Монголия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

⁸ Беларусь, Молдова, Украина.

⁹ Армения, Азербайджан, Грузия.

сопоставимо с 10 %, зарегистрированными в странах-членах ОЭСР (OECD, 2019^[5]). Несмотря на то что показатели Евразии ниже среднемировых (31 %), существуют серьезные внутрирегиональные различия: уровень IPV колеблется от 6 % в Грузии до 46 % в Молдове. IPV также более распространено в странах Центральной Азии и Афганистане (Рисунок 3). Женщины, чьи партнеры употребляют алкоголь ежедневно или еженедельно, с большей вероятностью подвергаются одной из форм IPV, а в странах, охваченных конфликтами, уровень бытового насилия, как правило, выше (OSCE, 2019, с. 83^[45]), что может объяснить особенно высокие показатели IPV в Афганистане.

Рисунок 3. Распространенность насилия со стороны интимного партнера (IPV) и оправдание IPV, 2019 г.

Примечание: оправдание бытового насилия измеряется процентом респондентов, оправдывающих IPV при определенных обстоятельствах. Данные о распространенности бытового насилия в Узбекистане и Туркменистане отсутствуют.

Источник: база данных «Гендер, институты и развитие» (GID-DB): насилие в отношении женщин (OECD, 2019^[46]).

Во время карантина ситуация ухудшилась даже в странах с более низкими показателями насилия. Женщины по всей Евразии столкнулись с **повышенным уровнем бытового насилия**: в Кыргызстане количество нападений увеличилось на 65 % по сравнению с 2019 годом (UN Women, 2020^[47]). В декабре 2020 года Организация Объединенных Наций определила, что 49 % украинских женщин подвергались сексуальным домогательствам, при этом количество звонков на национальные горячие линии в период изоляции выросло вдвое (UNFPA Ukraine, 2020^[48]). Правозащитные группы в Грузии заявили, что после объявления общенациональной изоляции число женщин, обратившихся за юридической помощью, удвоилось (GYLA, 2020^[49]). Цифры по Кыргызстану основаны на количестве звонков на горячие линии, которые полиция регистрирует и регулярно передает в средства массовой информации. Однако традиционное занижение данных в регионе дает основания предполагать значительную недооцененность роста уровня IPV, не в последнюю очередь потому, что многие женщины в периоды изоляции находились под более строгим контролем со стороны насильников.

Доступ к убежищам также был ограничен. Ресурсы были перенаправлены на борьбу с кризисом, вызванным COVID-19, в то время как способность убежищ принимать новых жертв во время изоляции была дополнительно ограничена требованиями к социальному дистанцированию, в результате чего женщины в регионе остались без столь важной помощи (UN Women, 2020^[50]). Например, в Украине проблема усугубляется нехваткой убежищ в сельской местности, хотя их количество ограничено и в городах – страна может предложить доступ к государственным убежищам лишь 3 % жертв бытового насилия (Busol, 2020^[51]). В Казахстане большинство

кризисных центров и убежищ не принимают жертв бытового насилия из-за нехватки мест в результате введения обязательного карантина и мер социального дистанцирования. Во время изоляции оставался открытым лишь один государственный кризисный центр (Kim, 2020^[52]). Другие страны региона столкнулись с аналогичными ограничениями, хотя множество неправительственных и международных организаций стремятся восполнить нехватку государственных убежищ по всему региону.

Общественное одобрение, пробелы в законодательстве и слабость правоприменения подвергают женщин риску

21 % женщин во всей Евразии в 2018 году заявили, что **терпимо относятся к бытовому насилию**, что может повлиять на их решение обратиться за помощью или сообщить о жестоком обращении. По оценкам, в шести странах Евразии две трети женщин, пострадавших от насилия со стороны интимного партнера, никогда никому об этом не рассказывали и за помощью не обращались (OECD, 2019^[5]). Сообщается, что в Казахстане полиция по-прежнему склонна рассматривать дела о домашнем насилии как «небольшой семейный спор, когда женщинам предлагается пойти домой и попробовать еще раз» (Novastan, 2021^[53]). В Украине глубоко укоренившиеся патриархальные взгляды и дискриминационные стереотипы сохраняются в политическом дискурсе, в средствах массовой информации и в обществе, нормализуя гендерное насилие в отношении женщин (Amnesty International, 2020^[54]). Таким образом, общественное одобрение насилия и стигматизация его жертв могут вынудить женщин замалчивать информацию.

Правовая и институциональная защита женщин в регионе носила ограниченный характер еще до COVID-19. На сегодняшний день немногие страны Евразии¹⁰ предлагают женщинам комплексную правовую защиту от бытового насилия. Существуют пробелы в законодательстве в области криминализации сексуальных домогательств (в десяти странах), бытового насилия (в пяти) и изнасилования в браке (в восьми) (OECD, 2019^[5]). Международная комиссия юристов (МКЮ) выразила озабоченность по поводу работы судов и способности адвокатов предлагать юридическую помощь своим клиентам в Центральной Азии, заявив, что COVID-19 серьезно ограничил доступ к юридической помощи для пострадавших от бытового насилия (ICJ, 2020^[55]). Использование средств виртуальной связи поощрялось, однако юристы утверждали, что это нарушает конфиденциальность их общения с клиентами.

Необходимо более активно применять действующие законы и повышать их общественное признание. Например, Украина еще не приняла *Конвенцию Совета Европы о предотвращении и пресечении насилия в отношении женщин и бытового насилия* (так называемую Стамбульскую конвенцию). В 2017 году Украина приняла закон о бытовом насилии и стала рассматривать соответствующее поведение как наказуемое согласно административному и уголовному законодательству (Busol, 2020^[51]). Судебными органами в Украине было рассмотрено ограниченное количество дел, и совсем не много мужчин были осуждены (45 человек в 2019 году и чуть более 550 к августу 2020 года), в результате чего большинство жертв остались без защиты (Kyiv Post, 2020^[56]). Дело «Левчук против Украины», рассмотренное в 2020 году (Блок 2), является хорошей иллюстрацией последствий сложившейся ситуации. Кроме того, изменение укоренившегося образа мышления требует некоторого времени: 38 % украинских судей и 39 % прокуроров все еще не рассматривают бытовое насилие как проблему, выходящую за рамки быта отдельно взятой семьи (Radio Svoboda, 2020^[57]).

¹⁰ За исключением Афганистана и Монголии.

Блок 2. Дело «Левчук против Украины» в Европейском суде по правам человека

Ярким примером бездействия украинской судебной системы является недавняя победа в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ) Ирины Николаевны Левчук, жертвы бытового насилия. В деле «Левчук против Украины» Левчук, мать четверых детей, боролась за выселение из дома своего бывшего мужа-насильника ради обеспечения собственной безопасности и безопасности детей. Однако украинские апелляционные и кассационные суды встали на сторону правонарушителя и постановили, что его право на жилище важнее права детей на нормальное существование. Для того чтобы передать дело в ЕСПЧ, сторона должна сначала исчерпать все внутренние средства правовой защиты, то есть де-факто истец обязан пройти все уровни судебного разбирательства в своей стране и лишь потом может подать иск в ЕСПЧ. Судебный процесс длился в общей сложности пять лет. В сентябре 2020 года Ирина Левчук выиграла дело в ЕСПЧ.

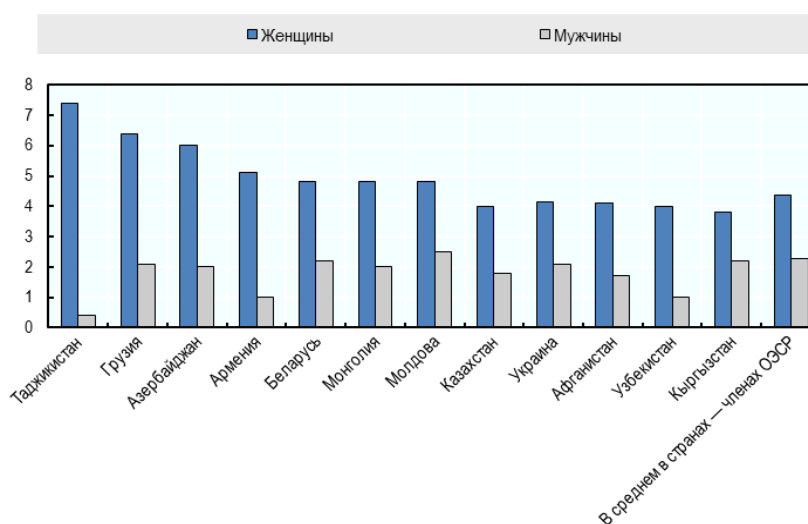
Источник: (European Court of Human Rights, 2020^[58]).

Социально-экономические издержки COVID-19

Существовавшие ранее разрывы в объемах неоплачиваемой работы по дому могут усугубиться в связи с пандемией

В 2019 году женщины Евразии уделяли выполнению неоплачиваемой работы по дому в среднем пять часов в день, тогда как среди мужчин этот показатель равнялся двум часам, причем в разных странах наблюдались резкие различия (Рисунок 4) (OECD, 2019^[51]). Это соответствует тенденции, наблюдаемой во всем мире: женщины повсеместно выполняют в три раза больше неоплачиваемой работы по дому, чем мужчины. Значительные гендерные различия в такой неоплачиваемой работе также связаны с тем фактом, что большинство родителей-одиночек — женщины; например, в Украине их количество достигает 90 % (UN Women Ukraine, 2020^[39]).

Рисунок 4. Распределение неоплачиваемой работы по дому в Евразии (согласно последним доступным данным)

Примечание: данные за 2019 год или последний год, по которому они доступны: Афганистан (2018 г.), Грузия (2018 г.), Узбекистан (2006 г.), Таджикистан (2020 г.), Украина (2018 г.).

Источник: (OECD, 2019^[46]; UN Women, 2020^[59]; Khitarishvili, 2016^[60]; Asian Development Bank, 2020^[61]; Gerasymenko, 2019^[62]; IRC, UN Women, Roshan, 2020^[25]).

До пандемии COVID-19 неоплачиваемую работу в Украине в среднем в два-три раза чаще выполняли женщины, а с введением карантина в марте это соотношение, по оценкам, выросло в 4–5 раз (Romanenko, 2020_[19]). Лишь 20 % женщин могли успешно совмещать работу и домашние дела, в то время как 56 % сообщили, что дополнительное бремя домашних забот отрицательно сказывается на их способности хорошо выполнять свои рабочие обязанности. В Кыргызстане и Казахстане 80 % женщин сообщили об увеличении количества домашних обязанностей после начала пандемии COVID-19, тогда как лишь 58 % мужчин столкнулись с такой проблемой (UN Women, 2020_[11]). Увеличение количества неоплачиваемой работы по дому создает особую нагрузку на женщин, в том числе молодых девушек из уязвимых семей. Для них меньшее количество часов, проведенных детьми в школе, может напрямую трансформироваться в большее количество неоплачиваемых часов работы по дому.

Высокие показатели пропуска учебных занятий имеют долгосрочное влияние на перспективы женщин на рынке труда

По всей Евразии **гендерные разрывы в образовании представляли собой проблему задолго до того, как COVID-19** внес свои коррективы в работу образовательных систем. Почти две трети молодых людей, не участвовавших в образовании, обучении и трудовых процессах (NEET), составляли молодые женщины. В Афганистане 60 % детей, не посещавших школу, составляли девочки, а наибольший разрыв наблюдался в высшем образовании: получить его могут лишь 4,9 % женщин, тогда как среди мужчин этот показатель достигает 14,2 % (UNESCO, 2021_[63]). Более высокие показатели непосещения школ девочками в Евразии являются следствием «более высокой распространенности детских браков среди девочек, чем среди мальчиков, ранней беременности, дискриминационного отношения и практик в области получения высшего образования девочками, а также обязанностей по уходу за домом и родственниками» (OECD, 2019, с. 44_[5]). Такие дискриминационные практики особенно очевидны в Центральной Азии: в Таджикистане 30 % мужчин и 52 % женщин не участвуют в образовании, обучении и трудовых процессах (OECD, 2019_[5]). Фактически девочки в регионе в четыре раза чаще, чем мальчики, выходят замуж до достижения 18-летнего возраста. В Кыргызстане 20 % девочек не ходят в школу из-за распространенной практики ранних браков. Тридцать семь процентов населения Центральной Азии считает, что университетское образование важнее для мальчика, чем для девочки, тогда как домашние обязанности распределяются неравномерно: 20 % женщин не получают образования, работы или профессиональной подготовки из-за неоплачиваемой работы по дому, тогда как среди мужчин этот показатель достигает всего 2 % (OECD, 2019_[5]).

Таким образом, COVID-19 рискует свести на нет с трудом достигнутые успехи в сокращении гендерного разрыва в образовании. ЮНЕСКО (2020_[64]) сообщает, что кризис усугубляет ранее существовавшее неравенство в образовании за счет сокращения возможностей для многих из наиболее уязвимых слоев населения, включая девочек, продолжать свое обучение, что угрожает уничтожить десятилетия прогресса. Во всем мире около 90 % учащихся не могли посещать школу в течение некоторой части года из-за изоляции, а треть из них не имела доступа к дистанционному обучению (Fore, 2021_[65]). В Центральной Азии закрытие школ затронуло 16 миллионов учащихся, в Восточной Европе и Центральной Азии 34 % учащихся не имели доступа к дистанционному обучению. В Таджикистане лишь 20 % учащихся смогли продолжить свое обучение в цифровом формате, в то время как в Молдове 10,6 % учителей не имели доступа к ИКТ-технологиям для обучения своих учеников (World Bank, 2020_[66]). Дистанционное обучение также создает определенные проблемы с точки зрения совмещения домашних обязанностей и школьной работы — 40 % девочек в регионе заявили о проблемах с поиском необходимого времени, тогда как среди мальчиков этот показатель составил 29 % (UNESCO, 2021_[67]).

Качество образования упало, эмоциональное беспокойство возросло, а неблагоприятное положение учащихся из сельских, бедных и уязвимых слоев населения стало как никогда очевидным. Матери также больше отцов пострадали от необходимости уделять больше времени домашнему обучению детей: в Афганистане почти половина внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) заявили об этом (IRC, UN Women, Roshan, 2020_[25]). В Украине 79 % женщин занимались

домашним обучением детей в одиночку, без поддержки своего партнера (UN Women Ukraine, 2020_[39]).

COVID-19, вероятно, усугубит существующие разрывы в оплате труда и вовлеченности в состав рабочей силы

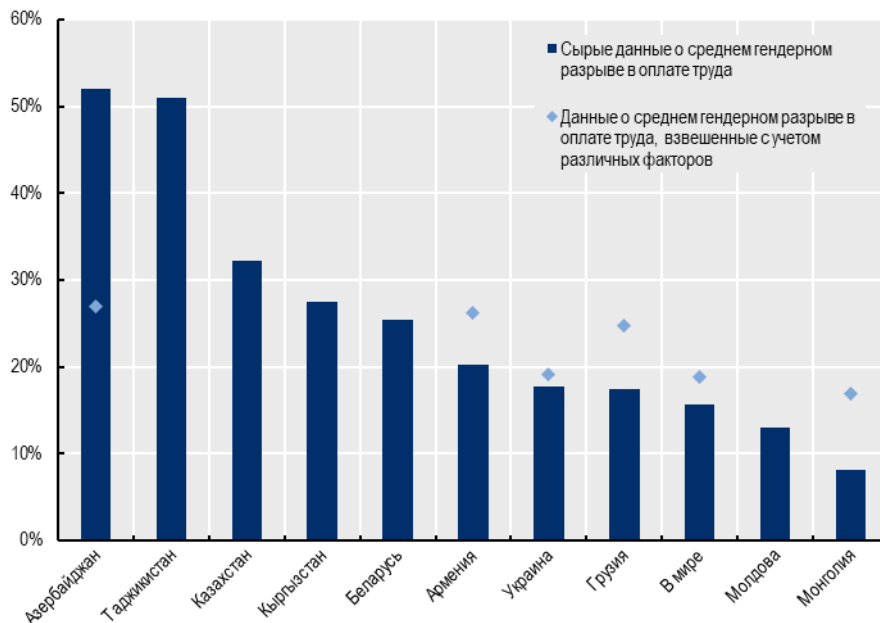
Titan et al. (2020_[68]) сравнивают воздействие рецессий предыдущих периодов на женщин и мужчин: они обнаружили, что ранее кризисы, как правило, в большей степени затрагивали занятость среди мужчин, поскольку замужние женщины работали более активно, чтобы компенсировать потерю заработка (рабочего места) мужем. **На этот раз пострадали в первую очередь секторы экономики, в которых преобладают женщины**, а объем предоставляемых услуг по уходу за детьми сократился, что не замедлило сказаться на жизни женщин, причем как в развивающихся, так и в развитых странах. Первоначальные данные показывают, что в некоторых странах Евразии уровень занятости женщин снизился: каждая десятая работающая женщина в регионе была вынуждена взять неоплачиваемый отпуск, тогда как среди мужчин этот показатель составил 8 %. Более 40 % женщин в регионе выполняли меньше оплачиваемой работы в период изоляции. Наиболее заметный гендерный разрыв наблюдался в Азербайджане, где он достиг 13 процентных пунктов (UN Women, 2020_[11]). Исследование показало, что в Казахстане потеряли работу 26 % женщин и 22 % мужчин. Не менее сильно пандемия ударила по самозанятым женщинам: 81 % из них в Казахстане и 77 % в Кыргызстане (по сравнению с 57 % мужчин) сообщили о сокращении рабочего времени или потере работы (UN Women, 2020_[11]).

Гендерный разрыв в оплате труда грозит увеличиться еще больше из-за роста уровня безработицы, сокращения рабочего времени и заработной платы — в настоящее время он колеблется от 8 % в Монголии до более 50 % в Таджикистане и Азербайджане (Рисунок 5). В одном исследовании было обнаружено, что чем больше разрыв в заработной плате между супругами, тем активнее женщины склоняются к тому, чтобы полностью уйти с рынка труда и взять на себя неоплачиваемые обязанности по дому. Этим можно объяснить преобладающую тенденцию на рынке труда в США, где примерно 800 000 из 1,1 миллиона человек, ушедших с работы в августе и сентябре 2020 года, составляли женщины (73 %) (Bateman and Ross, 2020_[69]). Тем не менее, такие последствия пандемии должны быть проанализированы с учетом более конкретных данных о рабочей силе и результатов долгосрочного мониторинга гендерного разрыва в оплате труда.

Еще до пандемии женщины в Евразии, как правило, работали на низкооплачиваемых рабочих местах, зарабатывая в среднем на 30 % меньше мужчин (OECD, 2019_[5]). Тенденция устраиваться на низкооплачиваемую работу в сочетании с разницей в заработной плате на одних и тех же должностях означает, что женщины зарабатывают 78 % от суммы, которую в среднем зарабатывают мужчины, в Украине и лишь 50 % — в Азербайджане (Khitarišvili, 2016_[60]). Рисунок 5 демонстрирует серьезные региональные различия и указывает на гендерные разрывы в оплате труда¹¹: в Азербайджане, например, взвешенный разрыв в оплате труда заметно ниже, что указывает на значительные различия в типах выполняемых работ. Такие различия в доходах влияют на способность женщин противостоять финансовым последствиям кризиса.

¹¹ Сырые данные о среднем гендерном разрыве в оплате труда не учитывают факторы, которые могут влиять на заработок (например, отработанное время, возраст и т. д.)

Рисунок 5. Гендерный разрыв в оплате труда в Евразии

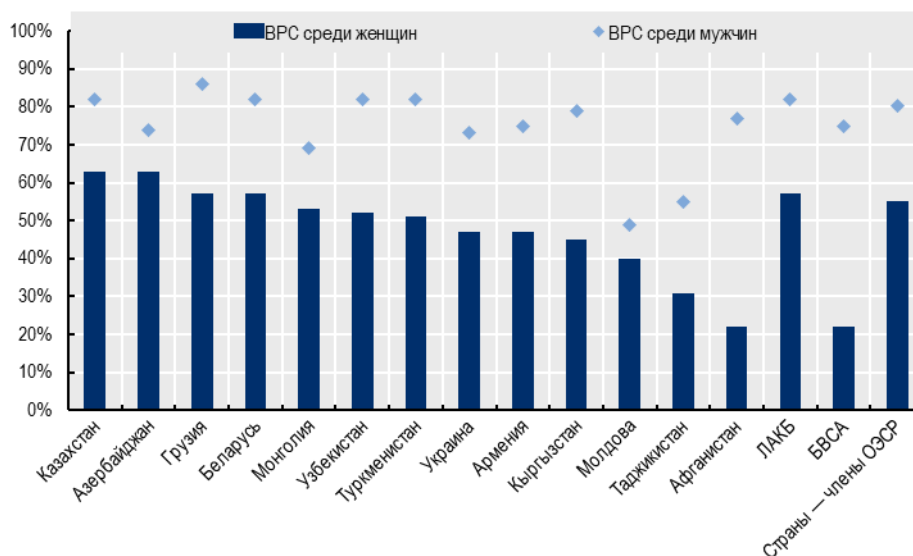

Примечание: данные за последний год, по которому они доступны (Азербайджан, Грузия, Беларусь, Молдова, Казахстан: 2017 г.; Монголия: 2016 г.; Армения: 2015 г.; Украина: 2012 г.).

Источник: (ILO, 2018^[70])

В 2019 году вовлеченность женщин в состав рабочей силы (ВРС) по региону составляла 53 %, тогда как среди мужчин этот показатель достигал 71 % (ILO, 2019^[71]). Как показано на Рисунок 6. Вовлеченность женщин и мужчин в состав рабочей силы (смоделированная оценка МОТ), в %, 2019 г. Рисунок 6, более чем в половине стран Евразии показатель ВРС для женщин превышает 50 %, что немного ниже средних показателей в Латинской Америке (57 %) и странах-членах ОЭСР (55 %), но выше, чем в некоторых других регионах мира. Такие относительно высокие показатели ВРС среди женщин — наследие советской эпохи, когда участие женщин в рабочей силе активно поощрялось. Сегодня показатели ВРС среди женщин колеблются от 63 % в Казахстане до 22 % в Афганистане. В Украине количество женщин, вовлеченных в состав рабочей силы, в последние пять лет снижается, что отражает общую для всего региона тенденцию, также наблюдаемую в Кыргызстане и Молдове (ILO, 2019^[71]). Снижение показателей вовлеченности женщин в состав рабочей силы отражает ряд факторов — от трудностей доступа к услугам по уходу за детьми и низкой доступности вариантов неполной занятости до массовой эмиграции и культурных представлений о материнстве (Giuliano, 2020^[72]). **С распространением COVID-19 регион рискует ощутить на себе дальнейшее снижение показателей вовлеченности женщин в состав рабочей силы, что требует оперативного вмешательства со стороны правительства.**

Рисунок 6. Вовлеченность женщин и мужчин в состав рабочей силы (смоделированная оценка МОТ), в %, 2019 г.

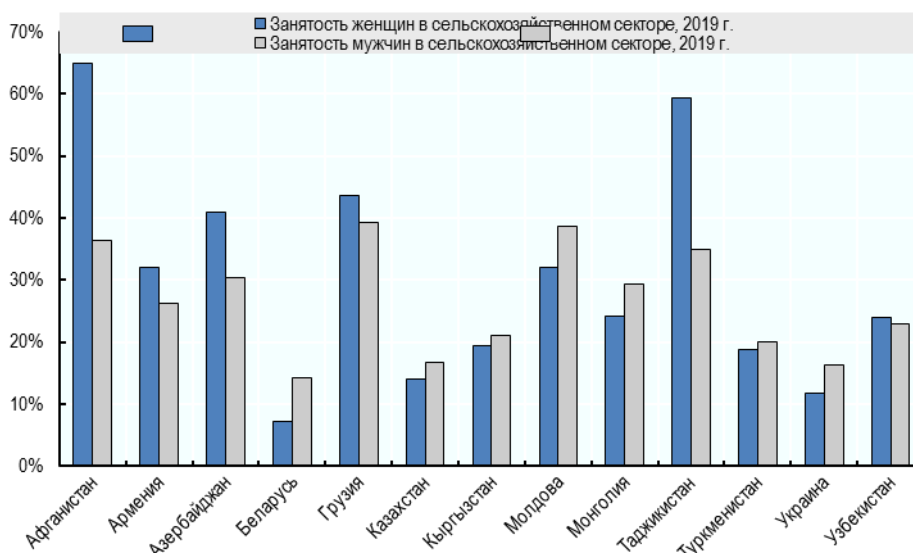
Источник: (ILO, 2019^[71]).

Женщины, как правило, работают в секторах экономики, особенно сильно пострадавших от COVID-19

Многие из секторов экономики, наиболее сильно пострадавших от кризиса, — как правило, те, которые строятся вокруг личной коммуникации, — также предлагают женщинам основной объем работы. Женщины в странах Евразии, как правило, работают в таких секторах, как текстильная промышленность, жилье и общественное питание (55 %), образование (72 %), недвижимость и другие услуги, и именно они были затронуты кризисом в первую очередь (OECD, 2020^[73]). Сельское хозяйство остается важным сектором экономики многих стран региона. Его доля в ВВП колеблется от 4 % в Казахстане до 26 % в Узбекистане, однако его доля в обеспечении занятости населения гораздо больше, хотя и сокращается в последние десятилетия (World Bank, 2019^[74]). Это способствует росту занятости женщин (Рисунок 7). В таких странах, как Афганистан, Азербайджан, Грузия и Таджикистан, в сельском хозяйстве занято более 40 % работающих женщин (ILO, 2018^[75]). Однако пандемия и закрытие границ оказали «негативное влияние на транспортировку, хранение, продажи, финансовое положение, доступность ресурсов и рынки труда», не обойдя и сельскохозяйственный сектор. В частности, сельское хозяйство Кыргызстана и Узбекистана еще не полностью восстановилось, а перебои в продажах остаются нерешенной проблемой (FAO, 2020^[76]).

Почти 92 % компаний, ведущих деятельность в производственном секторе Афганистана, в котором занято больше женщин, чем мужчин, столкнулись с нехваткой денежных потоков и трудностями с исполнением договоров (UNIDO, 2020^[78]). В связи с законодательными ограничениями на участие женщин в определенных видах экономической деятельности (такие меры были приняты еще в советское время) женщины в Евразии преимущественно заняты в бюджетном секторе и секторах с низким уровнем дохода (OECD, 2019^[79]). Эти факторы влияют на их устойчивость к ударам кризиса.

Рисунок 7. Занятость в сельском хозяйстве (% от общей занятости, женщины и мужчины), 2019 г.

Источник: (World Bank, 2019^[77])

Ресурсы и источники устойчивости

Женщины чаще занимают уязвимые должности

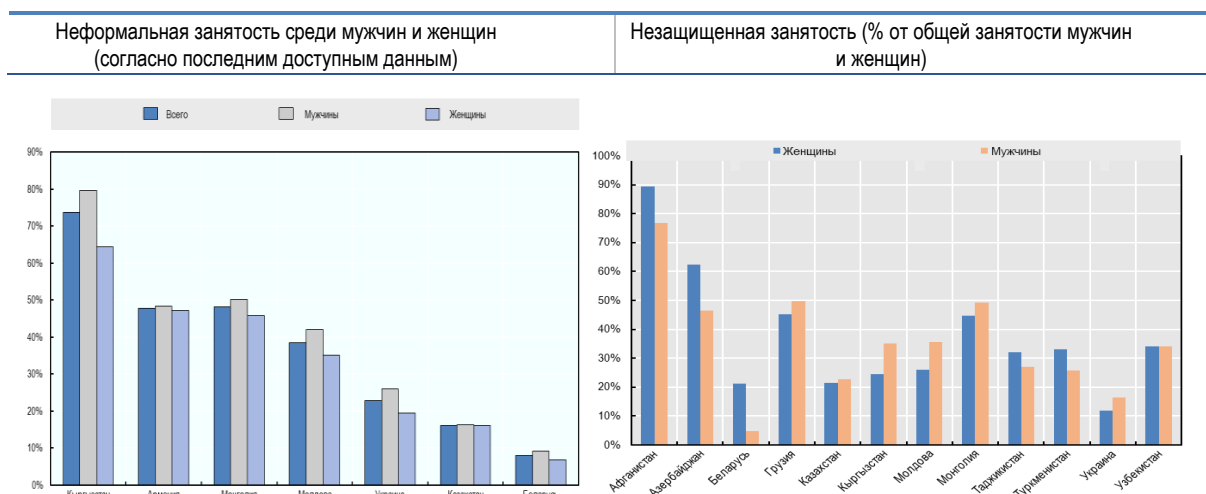
Тенденция женщин выбирать уязвимые должности (Рисунок 8), а именно работать в качестве *содействующих членов семьи*¹², самозанятых, работающих неполный рабочий день или домашних работников, заставляет их соглашаться на условия труда без социальных гарантий и должного законодательного оформления. Преобладание женщин в структуре незащищенной занятости также лишает их доступа к социальной защите и здравоохранению — областям, которые во время пандемии обретают еще большую значимость. Несмотря на то что такие рабочие места дают определенную гибкость, они также связаны с более низкой производительностью и ограниченными фискальными отчислениями. МОТ считает, что уязвимые работники «более склонны к неформальному трудоустройству и с меньшей вероятностью будут иметь доступ к социальному обеспечению и получать выгоду от социального диалога» (2018, р. 3^[80]).

Существует несколько причин преобладания женщин в структурах незащищенной занятости. **Большинство стран региона не предлагают достаточный объем услуг по уходу за детьми**, в результате чего женщины выбирают должности, которые позволяют им совмещать занятость с неоплачиваемой работой по дому¹³. В региональном отчете Индекса социальных институтов и гендерного неравенства ОЭСР за 2019 год по Евразии говорится о том, что гендерные ограничения, включая дискриминационные законы, неформальные нормы поведения и социальные практики, побуждают женщин заниматься домашними (семейными) делами и участвовать в неформальной занятости (OECD, 2019^[5]).

¹² Содействующий член семьи — это человек, который занимается индивидуальной трудовой деятельностью на ориентированном на рынок предприятии, находящемся под управлением его родственника, проживающего в том же домохозяйстве; такой человек не может считаться партнером владельца предприятия ввиду незначительной степени его участия в работе предприятия с точки зрения рабочего времени или других факторов, определяемых национальными условиями, и не занимает положение, сопоставимое с положением руководителя предприятия.

¹³ Термин «неоплачиваемая работа по дому» относится ко всем неоплачиваемым услугам, предоставляемым членам домохозяйства, включая уход за ними, работу по дому и добровольную общественную работу.

Рисунок 8. Неформальная и незащищенная занятость среди мужчин и женщин (согласно последним доступным данным)

Примечание: данные за последний год (Армения – 2017 г., Беларусь – 2018 г., Казахстан – 2017 г., Кыргызстан – 2018 г., Молдова — 2018 г., Монголия — 2019 г., Украина — 2017 г.). По Кыргызстану и Монголии приведены расчетные данные [гармонизированные данные MOT по ряду лет].
Источники: (ILO, 2018_[75]) (ILO, 2019_[81]) (World Bank, 2019_[82])

Кроме того, **женщины в регионе, как правило, работают на условиях самозанятости** (так называемые индивидуальные предприниматели), поскольку этот статус позволяет им избежать ряд требований и процедур. Ввиду того, что микропредприятиям по-прежнему легче занижать полученный доход, работники, действующие на индивидуальной основе, предпочитают не выходить за рамки малых предприятий. 28,2 % всех работающих женщин в Центральной Азии были самозанятыми, – в Узбекистане этот показатель достиг 32,5 %, в Таджикистане — 37,8 % (UN Women, 2020_[83]). В 2019 году до 29,7 % самозанятых работников не были зарегистрированы, в результате чего многие из них не имели социального обеспечения или медицинского страхования. Несмотря на то что между странами и секторами существуют значительные различия, фактическими работодателями в регионе чаще являются мужчины. В своем отчете по Восточной Европе и Центральной Азии MOT сообщает, что «доля женщин-руководителей обычно сокращается по мере увеличения размера предприятия» (ILO, 2017_[84]).

В целом женщины и мужчины в Евразии имеют одинаковую вероятность участия в неформальной занятости, но существуют различия в типах неформальной работы, которую выполняют женщины (услуги, работа по дому, сельское хозяйство), в сравнении с мужчинами (строительство, транспортные услуги, торговля). Женщины, занятые неформально в сельскохозяйственном секторе, как правило, производят или продают сельскохозяйственную продукцию, выращенную на собственных приусадебных участках. Они часто берут на себя эти обязанности, выступая в роли содействующих членов семьи (28 % занятых женщин по сравнению с 9 % мужчин в Центральной и Западной Азии). Женщины, занятые неформально в других секторах экономики, часто занимаются производством одежды, челночной торговлей или торговлей на местном рынке. Азиатский банк развития сообщил, что 70–80 % рыночных торговцев и 50 % торговцев, занимающихся челночной торговлей на базарах, в Узбекистане — женщины (Asian Development Bank, 2014_[85]). Режим изоляции остановил большую часть подобной деятельности, вынудив людей с трудом сводить концы с концами, особенно в отсутствие заметной государственной поддержки. По оценкам Организации Объединенных Наций, в результате ограничений, обусловленных пандемией COVID-19, и ее экономических последствий к концу 2020 года относительная бедность занятых в неформальном секторе работников может вырасти с 34 % до 80 % (ILO, 2020_[86]).

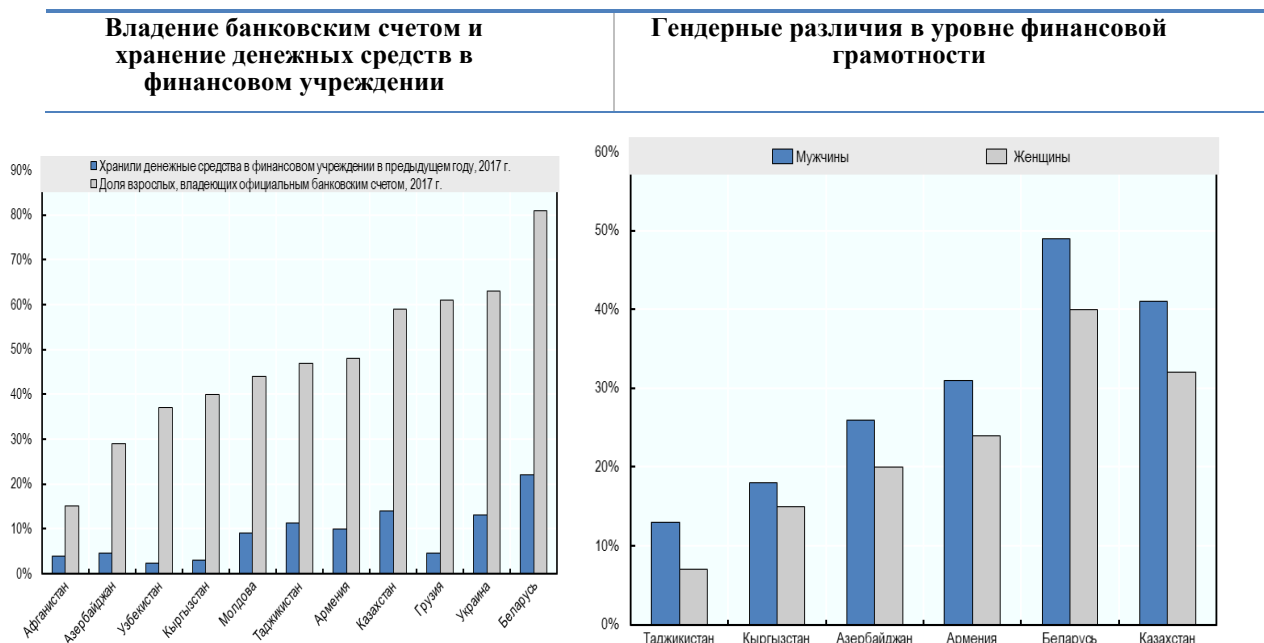
Женщины в регионе, как правило, отличаются меньшим количеством сбережений и более низким уровнем финансовой грамотности

В 2020 году доля незащищенной занятости в регионе Евразии составляла в среднем 38 %, в результате чего значительная часть населения оставалась без социальной защиты. Денежные переводы рабочих-мигрантов и традиционные неформальные системы финансовой защиты частично компенсировали ограничения официальных схем социальной защиты, но все же во время кризиса остаются недостаточными (OECD/ILO, 2019^[87]).

Все эти факторы влияют на способность женщин противостоять финансовым последствиям экономического шока. Гендерная динамика в регионе создает препятствия для владения материальными активами или доступа к обеспеченным кредитам для женщин (Balson, 2017^[88]). Размеры сбережений в регионе остаются низкими: лишь 38 % взрослого населения Центральной Азии имеют финансовые сбережения. Считается, что женщины имеют меньше сбережений и более ограниченный доступ к финансовым инструментам, и внезапное сокращение доходов может сделать их более уязвимыми перед лицом нищеты и финансовых затруднений.

Примечательно, что в Евразии один из самых низких уровней охвата населения финансовыми услугами в мире. В таких странах, как Армения, Таджикистан и Туркменистан, отмечается самый высокий гендерный разрыв в доступе к финансовым услугам (Рисунок 9). В 2017 году почти 60 % женщин в регионе не имели банковского счета, что подчеркивает проблемы, с которыми сталкиваются многие женщины в плане равноправного и полноценного участия в бизнесе и экономике (Demircuc-Kunt and Muller, 2019^[89]). Низкая доступность финансовых услуг также ограничивает возможность правительств предлагать женщинам адресную финансовую помощь. В Афганистане мужчины в три раза чаще владеют банковскими счетами, также мужчины значительно чаще, чем женщины, владеют счетами в Армении и Таджикистане.

Рисунок 9. Меры повышения доступности финансовых услуг

Примечание: процент респондентов, получивших минимальный балл 5 из 7, с разбивкой по полу. Финансовая грамотность описывает владение базовыми знаниями о финансовых концепциях и способностью применять навыки счета в финансовом контексте; способность человека действовать автономно, управлять финансовыми аспектами своей жизни и реагировать на новости и события, которые могут влиять на его финансовое благополучие.

Источники: (World Bank, 2017^[90]); (World Bank, 2017^[91]) (OECD, 2018^[92]).

В 2020 году женщины также столкнулись с резким падением доходов от денежных переводов. В первом квартале денежные переводы из России в страны Содружества Независимых Государств (СНГ) упали на 48 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В регионе СНГ было зарегистрировано самое резкое сокращение денежных переводов во всем мире, что непропорционально сильно ударило по женщинам, поскольку они в большей степени зависят от такого типа доходов. В Кыргызстане около 27 % женщин зависели от денежных переводов, объемы которых снизились в результате резкого сокращения сезонной миграции. Среди домохозяйств, зависящих от денежных переводов, в Кыргызстане 88 % женщин сообщили о сокращении денежных переводов из-за границы по сравнению с 47 % мужчин. Соответствующие показатели в Грузии составили 60 и 48 % соответственно, для Азербайджана — 41 и 32 % соответственно (UN Women, 2020_[11]).¹⁴ Несмотря на то что в некоторых случаях денежные переводы хранятся в банках или используются для инвестиций, большая их часть используется для удовлетворения неотложных нужд (в основном потребительских): от 57 % в Таджикистане до 72 % в Армении и 80 % в Грузии (Prokhorova, 2018_[93]). Таким образом, влияние падения денежных переводов на объемы потребления домохозяйств можно назвать значительным, тем более что у домохозяйств, зависящих от денежных переводов, как правило, небольшой объем сбережений.

В свете этих событий в регионе значительно больше женщин, чем мужчин, потенциально столкнутся с трудностями по оплате аренды и коммунальных услуг в случае сохранения режима изоляции. В частности, женщины с детьми ожидают больше трудностей с оплатой аренды и коммунальных услуг, чем те, у кого детей нет (UN Women, 2020_[11]).

Цифровые разрывы и неравенство при принятии решений в государственном и частном секторах

Ограниченный доступ к цифровой связи и услугам может затруднить инклюзивное восстановление

Восстановлению после COVID-19 может способствовать цифровизация государственных услуг, которая в любом случае улучшит бизнес-среду, облегчит предоставление государственных услуг и побудит неформальный бизнес перейти в формальный сектор. Уровень использования интернета в Евразии заметно варьируется: от 83 % в Беларуси до менее 25 % в Афганистане, Туркменистане и Таджикистане (OECD, forthcoming_[94]). Более того, в исследовании 2019 года были замечены негативные гендерные разрывы в отношении доступа к интернету на постсоветском пространстве: исследование показало, что мужчины с начальным и средним образованием на 18 % и 4 % чаще, чем женщины, имеют доступ к интернету, тогда как женщины с высшим образованием на 3 % чаще имеют доступ к интернету, чем мужчины (Gallup, 2019_[95]).

Что касается электронного правительства, электронные услуги доступны во всех странах Евразии, хотя их спектр и качество значительно различаются. Развитие цифровой инфраструктуры и улучшение доступа к электронным услугам в Евразии может сыграть важную роль в поддержке женщин-предпринимательниц и обеспечении более инклюзивного восстановления после пандемии COVID-19 (OECD, forthcoming_[94]).

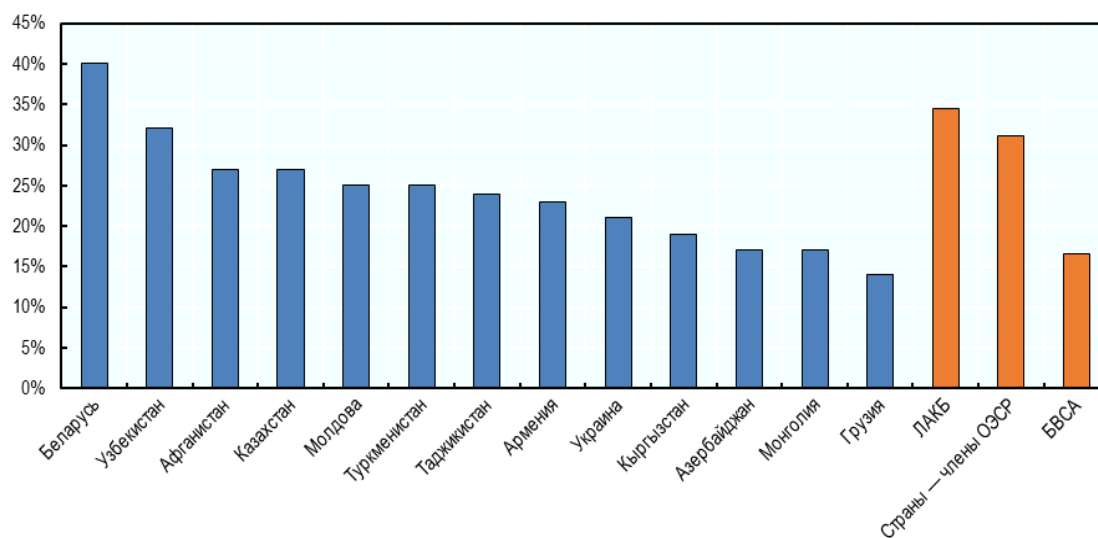
Роль женщин в процессе принятия решений в государственном и частном секторах остается ограниченной

Количество женщин на политических и общественных должностях, связанных с принятием решений, также остается небольшим, что ограничивает их способность выступать за необходимую гендерно-ориентированную программу восстановления после пандемии. Несмотря на то что женщины составляют большую часть кадровых ресурсов здравоохранения в мире, руководящие должности занимают лишь 25 % из них (WHO, 2019_[96]). Как показано на Рисунок

¹⁴ В некоторых странах (например, в Казахстане и Молдове) последствия таких изменений, по сообщениям жителей, были схожими.

Рисунок 10, в среднем по региону женщины занимают лишь около 19 % мест в парламенте, тогда как в странах-членах ОЭСР этот показатель достигает 30,1 % (OECD, 2019^[5]). Это негативно влияет как на женщин, так и на мужчин. Все больше исследований указывают на то, что **страны, в которых женщины лишены власти, как правило, менее успешны** (Criado-Perez, 2019^[97]). Женщины-политики уделяют больше внимания таким вопросам, как гендерное насилие, меры поддержки семьи и сокращение бедности. Фактически, включение большего количества женщин в законодательные органы может помочь преодолеть общее неравенство, что должно послужить весомым аргументом в пользу политики, расширяющей участие женщин в общественной сфере.

Рисунок 10. Доля мест, занимаемых женщинами в национальных парламентах (2020 г.)

Источник: (World Bank, 2020^[98])

Несмотря на то что средний показатель за последнее десятилетие увеличился, **реальное участие женщин в процессах принятия решений по-прежнему ограничено политическими, культурными и экономическими барьерами**. Например, региональный отчет Индекса социальных институтов и гендерного неравенства ОЭСР за 2019 год по Евразии показывает, что 62 % населения Евразии по-прежнему считают, что мужчины как политические лидеры предпочтительнее женщин (OECD, 2019^[5]). Более того, одни из самых высоких уровней представительства женщин в парламенте зафиксированы в странах Евразии с относительно слабыми законодательными органами и сильным доминированием исполнительной власти в системе. В украинском парламенте, который играет ведущую роль в принятии решений, количество женщин в 2019 году увеличилось, достигнув 20 %, и была создана неформальная группа «Равные возможности» (Romanenko, 2020^[19]), хотя гендерная повестка дня практически застопорилась.

Женщины также **недостаточно широко представлены на руководящих должностях предприятий частного сектора**, тогда как кризис выявил потребность в разнообразии перспектив в каждой сфере, которые могли бы способствовать более инклюзивному, ориентированному на семью и устойчивому восстановлению сектора. *Принципы корпоративного управления G20/ОЭСР* также признают, что разнообразие в совете директоров является неотъемлемой частью разумного корпоративного управления (OECD, 2019^[99]). В странах-членах ОЭСР женщины составляют треть руководителей, и в 2019 году советы директоров публичных компаний в среднем на 25,5 % состояли из женщин (OECD, 2020^[100]). В Евразии количество женщин на руководящих должностях варьируется от 15 % в Таджикистане до 40 % в Монголии (OECD, 2019^[79]). В Восточной Европе и странах Закавказья женщины составляют в среднем 9 % членов советов директоров Центральных банков, 15 % руководителей советов профсоюзов и менее 15 % членов

советов директоров компаний, зарегистрированных на фондовых биржах (OECD, 2019^[79]). ОЭСР предполагает, что включение представителей разного пола в советы директоров может способствовать более продуктивной командной работе и более эффективному решению таких проблем, как растущее неравенство и гендерный разрыв в оплате труда, которые обостряются в контексте пандемии.

2. Планирование восстановления

Еще до пандемии ОЭСР оценила издержки дискриминационных формальных правил, неформальных норм и социальных практик, ограничивающих экономические возможности женщин, примерно в 39 миллиардов долларов США, или 7,5 % ВВП Евразии. В поисках выхода из нынешнего кризиса правительства региона не могут позволить себе упускать из виду потенциальные выгоды от устранения подобного неравенства. Политика содействия занятости женщин в странах Северной Европы за последние 50 лет обеспечила, по оценкам, от 10 до 20 % среднегодового прироста ВВП на душу населения. Таким образом, правительства ради блага всех своих граждан должны быть крайне заинтересованы в устранении препятствий, с которыми сталкиваются женщины на пути к расширению своих экономических, политических и социальных прав и возможностей. Восстановление по принципу *«лучше, чем было»* будет означать, среди прочего, разработку такой политики восстановления, которая предоставит как женщинам, так и мужчинам больше возможностей для более полной реализации их потенциала и включенности в распределение результатов роста. Это потребует активных действий по целому ряду направлений.

Расширение охвата услуг общественного здравоохранения

По всей Евразии правительства вводили режим изоляции и принимали другие меры для защиты здоровья населения от COVID-19. Однако при этом многие правительства не уделяют должного внимания проблемам сексуального и репродуктивного здравоохранения и другим важнейшим потребностям женщин. В целях профилактики потенциального роста материнской и детской смертности необходимо **уделять больше внимания сексуальному и репродуктивному здравоохранению** наряду с приоритетами, обусловленными распространением COVID-19. Кыргызстан и Узбекистан начали проводить тренинги для практикующих врачей с целью снижения материнской и перинатальной заболеваемости и смертности. В Италии и Израиле официальные лица государств продвигали инициативы теле-здравоохранения с целью замены личного оказания помощи на виртуальную в случаях, когда это возможно, при этом многие дородовые и послеродовые услуги оказывались с использованием инструментов видео-конференц-связи (WHO, 2020_[101]). В австралийском штате Виктория инновации в области онлайн-здравоохранения и охраны сексуального и репродуктивного здоровья включают услугу доставки противозачаточных таблеток к двери пациентки после онлайн-консультации врача (Gender Equity Victoria, 2020_[102]).

Также необходимо принять во внимание опыт предыдущих кризисов: после вспышки лихорадки Эбола Демократическая Республика Конго перенесла дородовое наблюдение в школы и общественные места, чтобы женщины продолжали пользоваться этими жизненно важными услугами, несмотря на карантинные мероприятия. В зонах конфликта ОЭСР рекомендует объединение медицинских услуг, как это, например, было сделано в Афганистане при помощи Базового пакета медицинских услуг (БПМУ, который охватывает аспекты материнской смертности, акушерской помощи, детской смертности, иммунизации, питания детей, услуг по борьбе с туберкулезом и малярией за одно посещение) (OECD, 2008_[18]).

Также может возникнуть необходимость **предложить более широкий спектр бесплатных услуг в области здравоохранения, профилактики и тестирования на определенный период** в сотрудничестве с региональными и международными организациями. Эффективными могут быть активизация профилактических мер и кампаний по информированию населения о важности здорового образа жизни. Например, правительство Афганистана сотрудничало с талибами во время пандемии COVID-19, чтобы обеспечить проведение информационных кампаний по всей

стране. Эти кампании включали распространение информации о санитарных (медико-санитарных) мерах, а также о возможностях для бизнеса и оказания помощи в создании масок и санитарных материалов для медицинского персонала. В целом во время пандемии крайне важно проведение информационных кампаний, при этом необходимо «соблюдать баланс между предотвращением паники и поощрением активных действий» (OECD, 2020, p. 4_[103]).

Иницилируя кампании по массовой вакцинации, **правительства должны учитывать гендерный фактор в своих коммуникационных стратегиях.** Сохранение доверия и предоставление достоверной информации во время программ иммунизации имеют решающее значение для стимулирования участия как мужчин, так и женщин. Например, ВОЗ не рекомендует применение вакцины Pfizer BioNtech COVID-19 беременным женщинам, о чем должны сообщать правительство, а также авторитетные женщины, представляющие гражданское общество (WHO, 2021_[104]). Такие инициативы, как набор инструментов для гендерного анализа Jhpiego и матрица гендерного анализа COVID-19, разработанная Университетом Саймона Фрейзера, могут обеспечить основу для соответствующих действий (Jhpiego, 2016_[105]; Simon Fraser University, 2020_[106]). Правительствам также рекомендуется:

- использовать опыт местных экспертов по гендерным вопросам при разработке стратегий иммунизации;
- координировать действия с работниками первой линии (доступ к СИЗ, равное и своевременное вознаграждение); и
- тесно взаимодействовать с авторитетными организациями гражданского общества, возглавляемыми женщинами и молодежью, которые пользуются доверием в сообществах (GAVI, 2021_[33]).

В долгосрочной перспективе некоторым странам придется **инвестировать значительные средства в свои устаревшие и дорогостоящие системы здравоохранения.** В целях эффективности некоторые из мер борьбы с пандемией могут быть расширены. В большинстве стран Евразии созданы мобильные клиники COVID-19, которые могут стать прототипом для решения других проблем со здоровьем, включая здоровье матери и ребенка, особенно за пределами крупных городов, где доступ к медицинской помощи является особой проблемой (OECD, 2018_[30]). Это могло бы помочь смягчить региональное неравенство в доступе к здравоохранению. Например, в Украине фонд ЮНФПА создал мобильные клиники на время пандемии, оказывающие медицинскую и психологическую помощь в отдаленных деревнях, что в 82 % случаев позволило впервые диагностировать болезнь (UNFPA, 2020_[107]), позже подобные клиники можно использовать для оказания других медицинских и диагностических услуг. Для решения проблемы больших личных расходов и тенденции к приватизации правительствам также рекомендуется собирать данные и внедрять более комплексную и основанную на фактических данных стратегию общественного здравоохранения, которая, в частности, будет направлена на устранение факторов риска хронических заболеваний.

Правительствам также необходимо серьезно подумать о том, какие данные о мужском здоровье позволил собрать COVID-19, поскольку как биологические, так и поведенческие факторы вызывают более высокий уровень смертности среди мужчин (Блок 1). Недавние инициативы ВОЗ и Promundo могут послужить руководством для правительств, заботящихся о здоровье как женщин, так и мужчин (Блок 3).

Блок 3. Улучшение здоровья мужчин за счет устранения воздействия норм маскулинности на общество

ВОЗ рекомендует разработать дополнительные стратегии для улучшения здоровья женщин и мужчин¹⁵. С этой целью она разработала *Стратегию в поддержку здоровья и благополучия мужчин*, которая в конечном итоге направлена на устранение норм и структур, влияющих на подверженность мужчин факторам риска. В том же ключе Promundo рекомендует рассматривать общее воздействие *норм маскулинности* на общество и здоровье с помощью многосекторального подхода, включающего:

- продвижение здоровых представлений о мужественности;
- интеграцию раздела о вредных маскулинных нормах в политику охраны труда на производстве;
- продвижение гендерно-чувствительных программ, ставящих под сомнение нормы маскулинности, пропагандирующие курение табака, рискованное поведение и вождение в нетрезвом виде;
- разработку и финансирование национальных и региональных стратегий в области охраны здоровья мужчин; и
- повышение потенциала медицинского персонала для понимания норм маскулинности и потребностей мужчин в области здравоохранения.

Три страны — Бразилия, Ирландия и Австралия, — уже учредили департаменты или разработали рамочные концепции национальной политики в области мужского здоровья, включающие, в числе прочего, профилактические методы лечения и информационные кампании. Признавая склонность мужчин к нездоровому образу жизни, правительства некоторых стран приняли меры по профилактике ожирения, чрезмерного употребления алкоголя и поведения, провоцирующего развитие других опасных заболеваний.

Источники: (WHO, 2018^[108]; Ragonese, 2019^[15]).

Защита неприкосновенности женщин и снижение уровня бытового насилия

Проблема бытового насилия должна рассматриваться как приоритетная. У жертв должна быть возможность использовать заслуживающие доверия доступные механизмы, чтобы сообщать о жестоком обращении и получать поддержку, несмотря на карантинные меры. Передовой опыт стран ОЭСР в области принятия немедленных мер поддержки включает оказание виртуальной и бесплатной психологической и социальной поддержки, проведение широких информационно-просветительских кампаний как для жертв, так и для агрессоров, использование кодовых слов в общественных местах, например, в аптеках и супермаркетах (Казахстан), и преобразование гостиниц и неиспользуемых площадей в дополнительные убежища (Афганистан, Кыргызстан). Кроме того, расширение практики дистанционных судебных слушаний позволит женщинам сохранить доступ к правосудию в условиях карантина. Грузия обеспечила непрерывность деятельности судов с помощью инструментов для удаленной работы, а также разработала мобильное приложение, которое упрощает регистрацию случаев домашнего насилия (UNDP, 2021^[109]).

¹⁵ См. стр. 7.

Решающее значение имеет ранняя профилактика. Например, в сентябре 2020 года, после присоединения Украины к *Биаррицкому партнерству во имя гендерного равенства*, президент Украины подписал указ¹⁶, направленный на предотвращение домашнего насилия путем (среди прочего) внедрения в школах принципов ненасильственного поведения. Указ также предусматривает увеличение финансирования и штата вспомогательных служб и совершенствование сбора данных о бытовом насилии (Lapinaa, 2020_[110]).

Следует **предпринять дополнительные скоординированные усилия** для снижения рисков и защиты жертв. Например, Испания, как и Литва, усилила координацию между службами здравоохранения, полиции и правосудия (EIGE, 2020_[43]). Сотрудничество с неправительственными организациями (НПО) также может оказаться эффективным, особенно там, где пандемия способствует такому росту бытового насилия, который затрудняет реагирование государственных служб. В Украине неправительственная организация «Ла Страда», у которой есть горячая линия по предотвращению бытового насилия, недавно установила партнерские отношения с полицией и начала сотрудничество с целью обеспечения учета экстренных вызовов и защиты жертв (Kyiv Post, 2020_[56]). Сотрудничество с международными организациями позволило Таджикистану открыть 13 кабинетов поддержки жертв, которые предлагают жертвам бытового насилия медицинскую и психосоциальную поддержку. После первой волны пандемии Казахстан начал сотрудничество с ОБСЕ по вопросу увеличения количества существующих кризисных центров.

В долгосрочной перспективе необходим **общегосударственный подход** к решению проблем гендерного насилия. Важным первым шагом на пути к этому является сбор большего количества качественных данных о гендерном насилии. Также необходимы более доступные механизмы подачи анонимных жалоб в сочетании с проведением регулярных опросов по всей стране (в городе и сельской местности). Может быть реализована национальная гендерная стратегия, разработанная в консультации со всеми заинтересованными сторонами (гражданское общество, государственный и частный сектор, жертвы насилия) и призванная гарантировать оказание жертвам всех необходимых услуг, включая услуги в области психического и физического здоровья, предоставление жилья, пособий и доступа к юридическим и судебным ресурсам. Словацкая Республика, например, приняла стратегические документы для решения этих проблем и укрепления роли женщин в обществе, включая новый закон о равенстве, Национальную стратегию в области гендерного равенства и Национальный план действий по предотвращению и искоренению насилия в отношении женщин в сотрудничестве с НПО в стране (OECD, 2019_[79]) (OECD, 2021_[40]). В Узбекистане были разработаны реформы для решения гендерных проблем, направленные на улучшение экономических, социальных и политических возможностей женщин. Это отражено в принятой в 2020 году Стратегии достижения гендерного равенства на период до 2030 года (OECD, 2021_[40]). Другие страны-члены ОЭСР, включая Ирландию, Испанию и Литву, после вспышки пандемии и одновременного роста бытового насилия приняли национальные планы действий с целью облегчения финансирования деятельности вспомогательных служб, таких как убежища и службы психосоциальной поддержки (EIGE, 2020_[43]). Семь стран региона разработали национальные планы действий, которые могут быть лучше адаптированы к кризисным ситуациям.

Необходимо более совершенное законодательство для укрепления безопасности и обеспечения защиты, в которых женщины нуждаются в обычное время и особенно во время кризиса. Монголия и Молдова приняли новое законодательство, криминализирующее насилие со стороны интимного партнера и защищающее жертв, став региональными лидерами по этому направлению. Однако лишь две страны в регионе подписали *Стамбульскую конвенцию* о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и бытовым насилием: Армения (2018 г.) и Украина (2011 г.), но ни одна из них не ратифицировала ее (OECD, 2019_[90]).

¹⁶ Указ Президента Украины № 398/2020 о неотложных мерах по предупреждению и противодействию бытовому насилию, насилию по признаку пола, защите прав лиц, пострадавших от такого насилия: www.president.gov.ua/documents/3982020-35069

Обеспечить хорошую основу для развития законодательной повестки дня могло бы присоединение к *Биаррицкому партнерству во имя гендерного равенства*, которое описывает 79 передовых практик в четырех областях (насилие, образование и здравоохранение, расширение экономических прав и дискриминация), внедряемых во всех регионах мира. Во многих случаях может потребоваться пересмотр и расширение существующего законодательства для защиты женщин. Например, в качестве немедленного ответа на кризис, вызванный COVID-19, законодательства Латвии, Эстонии, Словацкой Республики и Франции обязали правительства предоставлять альтернативное жилье женщинам, сталкивающимся с насилием дома. То же законодательство относит убежища к важнейшим услугам, чтобы обеспечить их бесперебойное функционирование (EIGE, 2020^[42]).

Правоприменение необходимо укрепить. Совершенствование законодательства принесет пользу лишь в том случае, если будет эффективно и последовательно применяться на практике. Правительства могли бы следовать примерам из организованной ОЭСР *Глобальной сети практикующих специалистов по правоприменению против коррупции*. Эта сеть объединяет практикующих специалистов из национальных органов по всему миру, которые расследуют преступления, связанные с коррупцией, и передают их на рассмотрение суда; она дает следователям, прокурорам и другим сотрудникам правоохранительных органов из стран, входящих в ОЭСР и не входящих в нее, возможность поделиться передовым опытом, изучить современные и эффективные методы расследования и строить сети в условиях конфиденциальности. Можно было бы рассмотреть возможность создания аналогичной *Сети практикующих специалистов по правоприменению для борьбы с насилием в отношении женщин*.

Механизмы правовой защиты также требуют адаптации к реалиям текущего дня: в Украине вышеупомянутый Указ Президента № 398/2020 призывает парламент ввести в действие закон, признающий киберпреследование одной из форм гендерного насилия. Важно осознавать этот риск, учитывая COVID-19 и рост цифрового взаимодействия в регионе. Еще один важный аспект, который следует учитывать правительствам, — это стоимость доступа к правосудию, которая может удерживать женщин от принятия необходимых мер. В этом отношении могут помочь виртуальные судебные процессы, оказание юридической помощи или налаживание сотрудничества с партнерами по вопросам развития для предоставления бесплатных услуг.

Информационные кампании и специальное обучение в государственном секторе, включая полицию и гражданское общество, с привлечением мужчин и мальчиков в качестве проводников перемен необходимы для того, чтобы изменить образ мышления, признать IPV и преодолеть гендерные стереотипы. Многие страны Евразии уже не первый год проводят информационные кампании, в частности, связанные с кампанией «16 дней активизма против гендерного насилия», которая стартует 25 ноября каждого года. Формат этих кампаний варьируется от театральных постановок об историях жертв (в Украине) до конференций, поднимающих эту проблему (в Казахстане). Азербайджан также предлагает онлайн-дискуссии и тренинги, посвященные вопросам доступа жертв бытового насилия к юридической помощи (UNDP, 2021^[109]). Правительства могли бы продолжить сотрудничество с организациями гражданского общества и интегрировать механизмы поддержки в меры ответа систем здравоохранения на COVID-19, обучая медицинских работников выявлять женщин и детей, подвергающихся риску насилия. Эффективными могут стать организация специальной подготовки и разработка конкретных инструкций для сотрудников полиции, находящихся на передовой, которые помогли бы им оценивать риски и проводить соответствующие мероприятия в ситуациях насилия со стороны интимного партнера. Например, в Испании правительство инициировало кампанию по повышению осведомленности, которая подчеркивает, что насилие в семье является нарушением прав человека, а не личным делом членов семьи (EIGE, 2020^[43]).

Поддержка расширения экономических прав и возможностей женщин и повышения их благополучия

Правительствам стран региона рекомендуется перенять практики, способствующие достижению гендерного равенства в сфере образования, укреплению мер поддержки семьи и

формированию условий труда, позволяющих отцам и матерям находить баланс между работой и семейными обязанностями, а также способствующие повышению занятости женщин в частном и государственном секторах. Для более направленной реализации усилий странам Евразии полезно присоединиться к *Рекомендациям Совета по вопросам гендерного равенства в области образования, занятости и предпринимательства (2013 г.)*, предусматривающим увеличение представительства женщин на руководящих должностях, устранение дискриминационного разрыва в оплате труда мужчин и женщин, принятие всех необходимых мер для прекращения сексуальных домогательств на рабочем месте, сокращение гендерного разрыва в предпринимательской деятельности и сосредоточение внимания на особых потребностях женщин из ущемленных групп меньшинств и женщин-мигрантов (ОЕСД, 2017_[111]).

Если государственная политика нацелена на продвижение гендерного равенства, во всем регионе следует проводить **кампании по повышению осведомленности общественности, направленные на борьбу с гендерными стереотипами и нормами**. Отношение общества к роли матери и отца в уходе за маленькими детьми и опасения по поводу возможных последствий для карьеры способствуют распространенному нежеланию многих отцов брать длительный отпуск по уходу за детьми. Гендерные стереотипы также создают дополнительные проблемы для правоприменения, поэтому необходимо проводить специальные программы по борьбе с такими стереотипами во всех сферах общества. Правительства многих стран-членов ОЭСР пытаются изменить гендерные стереотипы с помощью кампаний по повышению осведомленности общественности. Например, австралийская совместная государственно-частная кампания Equilibrium Man Challenge представила серию документальных короткометражных фильмов, транслировавшихся онлайн и направленных на повышение осведомленности о балансе работы и личной жизни; в этих фильмах были показаны несколько мужчин, которые выбрали гибкий график работы, чтобы ухаживать за членами семьи. Австралия сообщает, что документальные фильмы набрали почти 30 000 просмотров и позволили достичь поставленной цели — повысить осведомленность о возможностях перехода на гибкий график работы и содействовать такому переходу в партнерских организациях (ОЕСД, 2017_[71]).

Исследования ОЭСР показали, что рост ВВП может сопровождаться снижением объема физических и трудоемких задач в рамках неоплачиваемой работы по дому преимущественно для женщин, но это не ведет автоматически к более справедливому распределению доходов между членами домохозяйства. Сокращение объемов неоплачиваемой работы женщин по дому также коррелирует с увеличением вовлеченности женщин в состав рабочей силы на 10 процентных пунктов (Ferrant, Pesando and Nowacka, 2014_[112]). Поэтому правительствам рекомендуется **поддерживать как мужчин, так и женщин в выполнении ими неоплачиваемой работы по дому** посредством:

- использования инструментов социальной поддержки, которые поощряют мужчин выполнять неоплачиваемую работу по дому, например, брать отпуск по уходу за ребенком;
- развития альтернативного государственного ухода за детьми работников основных служб;
- оказания неотложной помощи, например, выдачи специальных ваучеров для оплаты ухода за детьми работникам, оказавшимся в затруднительной ситуации;
- предоставления доступных услуг по уходу за детьми и престарелыми родственниками, которые помогут семьям объединить обязанности по уходу за детьми и позволят мужчинам и женщинам выполнять больше оплачиваемой работы;
- разработки общегосударственного подхода к поддержке родителей, совмещающих неоплачиваемую работу по дому и работу на официальном рабочем месте, включая инфраструктуру, социальную защиту и предоставление социальных услуг; и

- удовлетворения потребностей формальной экономики по уходу за счет повышения заработной платы, улучшения условий труда и содействия формализации для решения проблемы нестабильности на таких рабочих местах.

Для устранения растущих гендерных разрывов в образовании правительства стран региона должны стремиться к тому, чтобы **школы по возможности оставались открытыми**. Принятие решений о закрытии школ стоит возложить на местные органы власти, что упростило бы оценку непосредственного риска распространения инфекции. В Кыргызстане, например, решения о закрытии школ принимают местные органы власти и рассматривают каждый случай в индивидуальном порядке. Если же закрытие школ неизбежно, необходимо разработать и реализовать определенные меры поддержки, в том числе в отношении детей, подвергающихся риску насилия или недоедания. Правительства могли бы защитить их путем оказания неденежной помощи семьям с низкими доходами и предложения экстренных услуг по уходу за детьми нуждающимся семьям. В период восстановления правительства могли бы предложить программы адресной поддержки студентов, выпавших из учебного процесса, и программы расширения возможностей дистанционного обучения. В долгосрочной перспективе правительствам рекомендуется **принимать меры по борьбе с дискриминацией, по-прежнему поддерживающей гендерные разрывы в образовании** (World Bank, 2020_[66]).

Расширенная сеть социальной поддержки могла бы сконцентрировать внимание на тех, кто занимает уязвимые или нестабильные рабочие места. В соответствии с мерами, принятыми в странах-членах ОЭСР, правительства стран Евразии могли бы изучить способы расширения своих ограниченных в настоящее время сетей социальной поддержки (хотя бы в той степени, в которой позволяют финансовые обстоятельства) путем предоставления оплачиваемого отпуска по болезни (для сотрудников формального сектора), страхования от безработицы, адресных денежных выплат или ваучеров и налоговых льгот (OECD, 2020_[113]). Меры, которые могут оказаться особенно ценными для женщин, включают увеличение размера пособий по безработице (и их распространение на работников с нестандартной формой занятости), а также упрощение доступа к пособиям для семей с низким уровнем дохода, в частности родителей-одиночек (OECD, 2021_[114]). Особую популярность снискали такие способы поддержки семей с низким уровнем дохода, предложенные правительствами стран Евразии, как денежные пособия, ваучеры и пожертвования в неденежной форме. Работники неформального сектора крайне нуждаются в скорейшем внедрении схем адресной поддержки для обеспечения минимального дохода нуждающимся. Учитывая тот факт, что женщины чаще занимают уязвимые рабочие места и работают неполный рабочий день, в схемы поддержки, такие как выплата пособий на ребенка или пособий для работающих неполный рабочий день, следует включить гендерный аспект.

Разработка финансовых схем для наиболее пострадавших секторов экономики может иметь положительный сопутствующий эффект для женщин. Армения, например, осуществила единовременные выплаты как наемным, так и самозанятым работникам в наиболее пострадавших секторах экономики, а также разработала схемы целевых кредитных гарантий для агробизнеса — сектора, предлагающего женщинам основной объем работы в стране. Правительства стран-членов ОЭСР также предлагают субсидии, стимулирующие занятость, и поддержку ликвидности (гранты, отсрочки уплаты налогов), в частности секторам, в которых преобладают женщины. Также были созданы специальные финансовые учреждения, помогающие владельцам малого бизнеса, среди которых много женщин, бороться с краткосрочными последствиями пандемии. Крайне важно, чтобы правительства обеспечили доступ самозанятых работников к экстренной финансовой поддержке, особенно если им не положены пособия по безработице.

Другие реализованные меры включали **выделение потоков финансирования или резервирование участия в кредитных программах** в сочетании с реализацией программ нефинансовой поддержки, например, оказания услуг по развитию бизнеса (консультации, тренинги). Правительства стран Центральной Азии в сотрудничестве с партнерами по вопросам развития могли бы стремиться к реализации аналогичных мер в целях поддержки затронутых кризисом секторов экономики в ситуации снижения доходов. Правительства могут воспользоваться *Инициативой Всемирного банка по предоставлению финансирования женщинам-предпринимателям (We-Fi)*, которая предусматривает оказание поддержки 15 000 предприятий,

возглавляемых женщинами, в Центральной Азии и регионе Ближнего Востока и Северной Африки.

В долгосрочной перспективе большое значение будут иметь усилия по **упрощению доступа к цифровому банкингу** для поддержания доступа к финансам и снижения финансовой уязвимости, особенно среди женщин. Работа ОЭСР показала, что расширение возможностей цифрового банкинга упрощает доступ к финансам для женщин во всем мире, поскольку они обеспечивают большую гибкость, конфиденциальность и безопасность — факторы, которые важны для всех потребителей, но для женщин — особенно (OECD, 2018_[115]). Для этого правительствам следует позаботиться о реализации более широких цифровых повесток дня, направленных на упрощение доступа граждан к возможностям цифрового банкинга. В своих мерах борьбы с последствиями кризиса правительства и центральные банки также должны учитывать банковские реалии, а также высокую зависимость от денежных переводов и адаптировать меры поддержки соответствующим образом. Пока цифровой бандинг находится в стадии развития, важно обеспечить более широкий охват женщин традиционными банковскими услугами. **Общенациональные программы повышения уровня финансовой грамотности должны лежать в основе всех других усилий.**

Восстановление по принципу *«лучше, чем было»* предусматривает также предоставление женщинам доступа к новым экономическим возможностям. Правительствам следует стремиться расширять доступ к услугам профессиональной подготовки, которая даст женщинам возможность работать в таких быстрорастущих секторах экономики, как цифровой сектор и сектор, связанный с климатом. Использование возможностей цифровой среды потребует от правительств стран Евразии дальнейших усилий по развитию как аппаратной, так и программной инфраструктуры (например, повышение уровня использования интернета, а также обучение специальным навыкам, развитие нормативной базы и т. д.).

Повышение влияния женщин в политической и частной сферах

Решающее значение будет иметь **гарантия права голоса для женщин в формировании политики восстановления после кризиса**; их точка зрения крайне важна. Женские организации, которые часто находятся на первой линии решения проблем, должны быть должным образом представлены и должны получить всеобъемлющую государственную поддержку. Участие женщин в переговорах по мирным соглашениям связывают с увеличением вероятности заключения такого соглашения на срок не менее 15 лет на 35 %. Некоторые реализованные ранее программы восстановления после различных бедствий наглядно продемонстрировали, насколько невыгодно для экономики исключение женщин из разработки таких программ; наиболее яркие примеры — поднятые из руин дома без кухонь, отсутствие растительного масла в продуктовых пакетах и заново отстроенные города без детских садов или медицинских центров. Несмотря на то что *Резолюция Совета Безопасности ООН № 1325* призывает привлекать женщин к участию в усилиях по восстановлению после кризисов, такая резолюция не имеет обязательной силы. В период с 1992 по 2018 годы женщины составляли лишь 13 % участников переговоров и всего 4 % участников процессов мирного урегулирования.

Следует поощрять участие женщин в общественной и политической жизни, расширяя их возможности и права и предоставляя им доступ к формальным и неформальным политическим платформам. В долгосрочной перспективе страны Евразии могут рассмотреть возможность **присоединения к Рекомендации Совета ОЭСР по вопросам гендерного равенства в общественной жизни (2015 г.)**, которая включает три положения высокого уровня, касающиеся актуализации гендерной проблематики и гендерного баланса как в государственном, так и в частном секторах, и содержит 16 практических рекомендаций, обеспечивающих эффективную реализацию Рекомендации и ее мониторинг. Рекомендация предусматривает разработку общегосударственной стратегии реформы гендерного равенства, создание надежных механизмов для обеспечения подотчетности и устойчивости гендерных инициатив, а также инструментов и фактических данных для принятия эффективных политических решений. В ней также определены варианты политики, обеспечивающей равный доступ к общественной жизни, включая

политическую и судебную систему и государственное управление, для женщин и мужчин из разных слоев общества.

Повышение руководящей роли женщин в частном секторе также должно быть важным приоритетом. *Принципы корпоративного управления G20/ОЭСР* предусматривают «добровольно поставленные цели, требования к раскрытию информации, квоты для советов директоров и частные инициативы по улучшению гендерного баланса в советах директоров и на руководящих должностях» (ОЕСД, 2019, р. 8_[116]). В *Руководящих принципах ОЭСР для многонациональных предприятий* говорится о том, что предприятия должны продвигать равные возможности для женщин и мужчин с особым упором на равные критерии отбора, вознаграждения и продвижения по службе, а также на справедливое применение этих критериев (ОЕСД, 2011_[117]). Некоторые страны-члены ОЭСР¹⁷ в настоящее время устанавливают целевые показатели или квоты на количество женщин на руководящих должностях, в частности в советах директоров. Франция пересмотрела свою цель и приняла отраслевые планы, согласно которым к 2025 году женщины должны преобладать в одной трети секторов, в которых традиционно преобладают мужчины (ОЕСД, 2019_[118]).

Программы наставничества, спонсорство и возможности для развития лидерских качеств могут оказать женщинам дополнительную поддержку в их стремлении подняться по карьерной лестнице. Литовская инициатива «*Women Go Tech*» (Блок 4) представляет собой пример передовой практики страны-члена ОЭСР в области программ наставничества для женщин. Национальный банк Австралии начал реализацию *Программы подготовки к участию в совете директоров*, которая предоставляет женщинам возможности для обучения и развития, необходимые для вхождения в совет директоров (ОЕСД, 2019_[116]). Казахстан мог бы воспользоваться этими программами после сделанного в октябре 2020 года заявления об увеличении количества женщин на руководящих должностях в компаниях с государственным участием до 30 %. Достижение этих целей должно идти рука об руку с реализацией программ в области образования, обучения и наставничества.

Совершенствование **политики, направленной на расширение участия женщин в бизнесе**, также станет мощным рычагом для обеспечения инклюзивного экономического подъема. Для расширения участия женщин в частном секторе необходима корпоративная поддержка, однако правительства должны сыграть свою, не менее важную, роль в сокращении гендерного разрыва в оплате труда и обеспечении учета гендерных аспектов в политике, регулирующей деятельность рынка труда. Например, Международная коалиция за равную оплату труда (ЕPIC)¹⁸, возглавляемая МОТ, структурой «ООН-Женщины» и ОЭСР, работает с правительствами, работодателями, работниками и профсоюзами, частным сектором, гражданским обществом и научными кругами, чтобы предпринять конкретные шаги для скорейшего достижения справедливой оплаты труда во всех странах и экономических секторах. Правительствам следует предлагать пакеты поддержки женщинам в частности и семьям в целом, включая декретный отпуск для матерей и отцов (или гибкий график работы), программы повышения квалификации и сохранения рабочего места в целях содействия участию женщин в частном секторе.

¹⁷ Австралия, Германия, Италия, Корея, Нидерланды, Исландия.

¹⁸ См.: www.equalpayinternationalcoalition.org/the-coalition/.

Блок 4. Инициатива «Women Go Tech» в Литве

Проект «Women Go Tech», запущенный в 2016 году ассоциацией INFOBALT и Global Shapers Vilnius Hub, направлен на расширение прав и возможностей женщин при построении карьеры в секторе высоких технологий (ИКТ и инженерия) и на укрепление гендерного равенства на рынке труда.

Благодаря наставничеству отраслевых экспертов участницы могут раскрыть свой профессиональный потенциал и получить рекомендации по возможному карьерному росту в технологической отрасли. Они также посещают информационные встречи, знакомятся с буднями специалистов в сфере технологий.

Сегодня программа берет на себя дополнительные обязанности по поддержке женщин в решении проблем, связанных с COVID-19. Быстро развивающаяся технологическая отрасль является одним из секторов, наиболее устойчивых к экономическим потрясениям. Таким образом, участие в этом секторе дает женщинам возможность укрепить свои позиции на рынке труда.

Проект успешно реализуется в Литве, а с лета 2020 года — и в Латвии. За пять лет зафиксирован значительный рост количества участниц программы — с 45 в 2016 году до 250 в 2021 году. В период с 2016 по 2020 годы 236 из 420 выпускниц программы либо нашли работу в секторе технологий, либо приобрели необходимые технические навыки, которые помогли им добиться продвижения по карьерной лестнице.

Пятая сессия программы «Women Go Tech», начавшаяся в феврале 2021 года, предусматривает участие наставников из-за пределов Литвы, что подчеркивает ее приверженность дальнейшей интернационализации программы.

Источники: (Women Go Tech, 2021_[119]); (15min, 2020_[120])

Более качественные данные для более качественной политики

В основе всех описанных выше мер лежит необходимость более полного понимания гендерного неравенства в регионе. Правительствам следует **производить, собирать и использовать данные с разбивкой по полу** для разработки менее оторванных от реальности политических программ и инициатив с учетом гендерного аспекта. На данный момент политика и решения о финансировании часто строятся на предположениях, а не достоверных данных, что опасно и нецелесообразно, особенно в условиях кризиса. Украина и Узбекистан не проводили переписи населения уже 10 лет, как и Таджикистан, где 90 % всех рожденных детей остаются незарегистрированными, что делает невозможной оценку воздействия пандемии на общество в целом (UN Women, 2020_[121]). Туркменистан в последний раз проводил должным образом организованную перепись населения в 1995 году.

ЕЭК ООН стремится решить проблему нехватки данных с разбивкой по полу и ведет работу в области сбора гендерной статистики путем развития потенциала в областях, где данные и показатели гендерного равенства недостаточны или отсутствуют (UNECE, 2020_[122]). Отсутствуют актуальные для политики дезагрегированные информационные данные почти по всем вопросам, затронутым в данной аналитической записке, включая гендерное насилие, точный вклад женщин в ВВП, объем неоплачиваемой работы по дому, гендерный разрыв в оплате труда или вовлеченность женщин в состав рабочей силы (отраслевые данные, данные о женщинах-предпринимательницах, неформальной или неполной занятости и т. д.). Необходимо больше качественных данных о динамике карьерного пути женщин и возникающих проблемах, что позволит разработать актуальную политику, способствующую включению женщин в работу государственного и частного сектора. Данные с разбивкой по полу позволят правительствам отслеживать прогресс и определять факторы, определяющие неравенство между мужчинами и женщинами.

Было бы особенно полезно начать сбор индивидуальных данных, а не данных по домохозяйствам, по многим показателям, чтобы, например, оценить реальный риск бедности, грозящий женщинам. Правительства могут получить дополнительный доступ к региональным данным через порталы данных, например портал структуры «ООН-Женщины»¹⁹. [Портал данных ОЭСР о гендерном равенстве](#)²⁰ также включает отдельные индикаторы, описывающие гендерное неравенство в сфере образования, занятости, предпринимательства, управления, здравоохранения и развития. Доступ стран региона к этим данным дал бы им ценный ориентир и обеспечил необходимую основу для восстановления гендерно-ориентированной политики в Евразии.

В более широком смысле интеграция процессов и инструментов учета гендерной проблематики в процесс разработки политики может помочь более полно осмыслить различные аспекты гендерного неравенства и, соответственно, более эффективно работать над их устранением. Она предусматривает учет гендерной проблематики при подготовке, разработке, реализации, мониторинге и оценке политики. Укрепление механизмов консультирования и координации играет не менее важную роль в обеспечении максимально эффективного использования государственных инструментов (например, средств бюджета, нормативных актов) ради устойчивости результатов, достигнутых в области гендерного равенства (OECD, 2021_[40]).

На этот раз должно получиться

Устранение гендерного разрыва в социальной, экономической и политической сферах имеет решающее значение для обеспечения того, чтобы восстановление после пандемии привело к устойчивому и инклюзивному росту. Несмотря на то что женщины составляют почти половину населения мира, в большинстве стран они остаются на обочине процесса принятия решений и более уязвимы для экономических потрясений, чем мужчины. Правительства могут сделать так, чтобы этот кризис отличался от предыдущих, и женщины участвовали в усилиях по восстановлению экономики и разработке новых норм, обусловленных пандемией COVID-19, будь то растущее признание ценности неоплачиваемой работы по дому или возможность работать по более гибкому графику. Восстановление после COVID-19 дает возможность переосмыслить подходы к политике и государственному управлению и заложить в их основу стремление к благополучию населения. Женщинам Евразии предстоит сыграть важную роль в формировании инклюзивного и устойчивого будущего, и они должны получить возможность внести свой вклад в процесс всеобъемлющего восстановления.

¹⁹ См.: <https://data.unwomen.org/>.

²⁰ См.: www.oecd.org/gender/data/. Данные охватывают страны-члены ОЭСР, а также страны-партнеры, включая Бразилию, Китай, Индию, Индонезию и Южную Африку.

Список литературы

- 15 min (2020), *Fifth season of Women Go Tech mentorship programme to help women overcome COVID-19 challenges*, <https://www.15min.lt/en/article/economy/fifth-season-of-women-go-tech-mentorship-programme-to-help-women-overcome-covid-19-challenges-527-1418290?copied> (дата обращения: 10 февраля 2021 г.). [1
1
2
0
1]
- Adams, R. (2020), “Gender equality in work and COVID-19 deaths”, *COVID ECONOMICS*, https://cepr.org/sites/default/files/news/CovidEconomics16.pdf?campaign_id=10&emc=edit_gn_20201001&instance_id=22708&nl=in-her-words®i_id=108347259&segment_id=39575&te=1&user_id=0c06dd515248326455d2a270283e7d07 (accessed on 4 October 2020). [12
1]
- Agenda.ge (2021), *About 14,000 medical workers selected to be vaccinated at first stage for Covid-19 in Georgia*, <https://agenda.ge/en/news/2021/347>. [37
1]
- Ahrenfeldt, L. et al. (2020), “Sex and age differences in COVID-19 mortality in Europe”, *Springer*, <https://doi.org/10.1007/s00508-020-01793-9> (accessed on 12 February 2021). [16
1]
- Amnesty International (2020), *Not a private matter: Domestic and sexual violence against women in Eastern Ukraine*, https://www.amnesty.org.ua/wp-content/uploads/2020/11/eng_not-a-private-matter_domestic-and-sexual-violence-in-eastern-ukraine.pdf. [54
1]
- Asian Development Bank (2020), *Women’s Time Use in Rural Tajikistan*, <http://sdghelpdesk.unescap.org/sites/default/files/2020-07/womens-time-use-tajikistan.pdf>. [61
1]
- Asian Development Bank (2014), “Uzbekistan: Country Gender Assessment”, *Gender and Development / Central and West Asia*, <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/42767/files/uzbekistan-country-gender-assessment.pdf> (accessed on 2 December 2020). [85
1]
- Balson, D. (2017), “Gender-Based Financial Exclusion in Central Asia”, *Center for Financial Inclusion*, <https://www.centerforfinancialinclusion.org/gender-based-financial-exclusion-in-central-asia> (accessed on 2020 November 15). [88
1]
- Bateman, N. and M. Ross (2020), “Why has COVID-19 been especially harmful for working women?”, *Brookings*, <https://www.brookings.edu/essay/why-has-covid-19-been-especially-harmful-for-working-women/> (accessed on 2 February 2021). [69
1]
- Busol, K. (2020), “Domestic Violence in Ukraine: Lessons from COVID-19”, *Chatham House*, <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/domestic-violence-ukraine-lessons-covid-19> (accessed on 27 July 2020). [51
1]
- Cousins, S. (2020), *A quiet crisis: As the economy fractures, violence soars for Afghan women*, *The New Humanitarian*, <https://www.thenewhumanitarian.org/news-feature/2020/12/16/Afghanistan-women-economy-gender-based-violence>. [24
1]
- Crabtree, S. and P. Diego-Rosell (2019), *The Impact of Mobile and Internet Technology on Women’s Wellbeing around the World*, <https://www.gsma.com/mobilefordevelopment/wp-> [95
1]

[content/uploads/2019/04/The-Impact-of-Mobile-and-Internet-Technology-on-Women%E2%80%99s-Wellbeing-Around-the-World.pdf](#).

- Curley, B. (2020), “Why COVID-19 is hitting men harder than women”, *Healthline*, [14
] <https://www.healthline.com/health-news/men-more-susceptible-to-serious-covid-19-illnesses> (accessed on 15 September 2020).
- Demirguc-Kunt, A. and C. Muller (2019), “Financial Inclusion in Europe and Central Asia – the Way Forward?”, *World Bank Opinions*, [89
] <https://www.worldbank.org/en/news/opinion/2019/04/05/financial-inclusion-in-europe-and-central-asia-the-way-forward> (accessed on 14 July 2020).
- EIGE (2020), *Covid-19 wave of violence against women shows EU countries still lack proper safeguards*, [43
] <https://eige.europa.eu/news/covid-19-wave-violence-against-women-shows-eu-countries-still-lack-proper-safeguards>.
- Eurasianet (2021), *Azerbaijan starts mass COVID-19 vaccinations*, [36
] <https://eurasianet.org/azerbaijan-starts-mass-covid-19-vaccinations>.
- European Court of Human Rights (2020), *Case of Levchuk vs Ukraine*, [58
] <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-203931%22%5D%7D>.
- Evans, D., M. Goldstein and A. Popova (2015), “Health-care worker mortality and the legacy of the Ebola epidemic”, *The Lancet Global Health*, Vol. 3/8, pp. e439-e440, [91
] [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(15\)00065-0](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(15)00065-0).
- FAO (2020), *Pandemic’s impact on agrifood production and markets in Eurasia is as diverse as the region itself*, [76
] <http://www.fao.org/europe/news/detail-news/en/c/1301365/>.
- Ferrant, G., L. Pesando and K. Nowacka (2014), *Unpaid Care Work: The missing link in the analysis of gender gaps in labour outcomes*, [112] https://www.oecd.org/dev/development-gender/Unpaid_care_work.pdf.
- Fore, H. (2021), *Children cannot afford another year of school disruption*, [65] <https://www.unicef.org/press-releases/children-cannot-afford-another-year-school-disruption>.
- GAVI (2021), *Gavi Guidance to Address Gender-Related Barriers to Maintain, Restore and Strengthen Immunisation in the Context of COVID-19*, [33] https://www.gavi.org/sites/default/files/about/Strategy/Gavi_Guidance-to-address-gender-barriers-in-MRS-immunisation_ENG.pdf.
- Gender Equity Victoria (2020), *Gender, disaster and resilience: towards an equal gender recovery*, [102] https://www.genvic.org.au/wp-content/uploads/2020/06/Sexual-and-Reproductive-Health_FA.pdf.
- Gerasyenko, G. (2019), *Gender Equality and Reponse to Domestic Violence in the Private Sector of Ukraine: Call for Action*, [62
] https://ukraine.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/Gender%20Equality%20and%20Response%20to%20Domestic%20Violence%20in%20the%20Private%20Sector_2.pdf.
- Giuliano, P. (2020), “Gender & Culture”, *SSRN*, Vol. IZA Discussion Paper No. 13607, [72
] <https://ssrn.com/abstract=3679013>.
- Grzelak, L. et al. (2020), “Sex differences in the decline of neutralizing antibodies to SARS-CoV-2”, *medrxiv*, [11
] <https://doi.org/10.1101/2020.11.12.20230466> (accessed on 2 December 2020).
- Gupta, A. and F. Faizi (2020), “Data shows fewer Afghan women than men get Covid-19. That’s bad [21

- news.”, *The New York Times*, <https://www.nytimes.com/2020/10/03/world/afghan-women-men.html> (accessed on 4 October 2020).]
- GYLA (2020), “Organizations working on the issues of violence against women and domestic violence address state entities”, *Legal Aid*, <https://gyla.ge/en/post/qalta-mimart-dzaladobis-da-ojakhshi-dzaladobis-sakitkhebe-momushave-organizaciebis-mimartva-sakhelmtsifo-utsyebebs#sthash.cfXOknMV.H05LSPxt.dpbs> (accessed on 14 September 2020). [49]
- HDX (2020), “Humdata”, *COVID-19 Sex-Disaggregated Data Tracker*, <https://data.humdata.org/dataset/covid-19-sex-disaggregated-data-tracker> (accessed on 24 September 2020). [10]
- ICJ (2020), *Central Asia: ICJ calls on Central Asian States to ensure access to justice during the COVID-19 pandemic*, <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2020/07/Central-Asia-Statement-COVID-19-Advocacy-2020-ENG.pdf>. [55]
- ILO (2020), *COVID-19 crisis and the informal economy*, https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/briefingnote/wcms_743623.pdf. [86]
- ILO (2019), *Informal employment rate by sex (%)*, ILO, <https://ilostat.ilo.org/topics/informality/> (accessed on 12 February 2021). [81]
- ILO (2019), *Labour force participation rate (% of male population ages 15-64) (modeled ILO estimate)*, <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.ACTI.MA.ZS>. [71]
- ILO (2018), “Global Wage Report 2018/19”, in *Global Wage Report 2018/19: What lies behind gender pay gaps*, International Labour Organization, https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_650553.pdf. [70]
- ILO (2018), “Paid employment vs vulnerable employment”, *Spotlight on work statistics*, https://ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_631497.pdf (accessed on 4 November 2020). [80]
- ILO (2018), *Women and Men in the Informal Economy: A Statistical Picture, 3rd edition*, International Labour Office, Geneva, https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_626831/lang--en/index.htm (accessed on 22 November 2020). [75]
- ILO (2017), *Women in Management: Gaining momentum in Eastern Europe and Central Asia*, https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---act_emp/documents/publication/wcms_624225.pdf (accessed on 2 February 2021). [84]
- IRC, UN Women, Roshan (2020), *Unlocking the lockdown gender-differentiated consequences of COVID-19 in Afghanistan*, <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/covid-19surveyreport121020.pdf> (accessed on 16 February 2021). [25]
- Jhpiego (2016), *Gender Analysis Toolkit for Health Systems*, <https://resources.jhpiego.org/resources/gender-analysis-toolkit-health-systems>. [105]
- Khitarishvili, T. (2016), *Gender and employment in the South Caucasus and Western CIS*, <https://www.undp.org/content/dam/rbec/docs/GenderandEmploymentin%20theSouthCaucasusandWesternCIS.pdf>. [60]
- Kim, V. (2020), “Lack of Refuge for Kazakhstan’s Domestic Violence Survivors”, *Human Right’s Watch*, <https://www.hrw.org/news/2020/04/09/lack-refuge-kazakhstans-domestic-violence-survivors> (accessed [52]

on 17 July 2020).

- Kyiv Post (2021), *First person vaccinated from COVID-19 in Ukraine*, [38]
<https://www.kyivpost.com/ukraine-politics/first-person-vaccinated-from-covid-19-in-ukraine.html>.]
- Kyiv Post (2020), *COVID-19 quarantine raises risks for domestic violence in Ukraine*, [56]
<https://www.kyivpost.com/multimedia/video/covid-19-quarantine-raises-risks-for-domestic-violence-in-ukraine>.]
- Lapatinaa, A. (2020), “Ukraine steps up fight against domestic, gender-based violence”, *Kyiv Post*, [110]
<https://www.kyivpost.com/ukraine-politics/ukraine-steps-up-fight-against-domestic-gender-based-violence.html> (accessed on 27 September 2020).
- Mahajan, D. et al. (2020), “Don’t Let the Pandemic Set Back Gender Equality”, *Harvard Business Review*, [6]
<https://hbr.org/2020/09/dont-let-the-pandemic-set-back-gender-equality> (accessed on 24 February 2021).
- Makhashvili, N. et al. (2020), “The influence of concern about COVID-19 on mental health in the Republic of Georgia: a cross-sectional study”, *Globalisation and Health*, [26]
<https://doi.org/10.1186/s12992-020-00641-9> (accessed on 7 January 2021).]
- Novastan (2021), *The Wife: the short film highlighting domestic violence in Kazakhstan*, [53]
<https://novastan.org/en/kazakhstan/the-wife-the-short-film-highlighting-domestic-violence-in-kazakhstan/>.]
- OECD (2021), *Webinar Proceedings: Gender Gaps in Eurasia: The daunting Effects of COVID-19*, [40]
<https://www.oecd.org/eurasia/2021-02%20OECD%20GRS%20Eurasia%20Gender%20Webinar%20Summary%20note.pdf>.]
- OECD (2020), “COVID-19 crisis response in Central Asia”, *OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19)*, [73]
<https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/covid-19-crisis-response-in-central-asia-5305f172/> (accessed on 2 December 2020).]
- OECD (2020), “COVID-19: Protecting people and societies”, *OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19)*, [114]
<https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/covid-19-protecting-people-and-societies-e5c9de1a/> (accessed on 10 January 2021).
- OECD (2020), *Employment: female share of seats on boards of the largest publicly listed companies*, [100]
<https://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=54753>.
- OECD (2020), “Flattening the COVID-19 peak: Containment and mitigation policies”, *OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19)*, [103]
<https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/flattening-the-covid-19-peak-containment-and-mitigation-policies-e96a4226/> (accessed on 12 February 2021).
- OECD (2020), “Supporting livelihoods during the COVID-19 crisis: Closing the gaps in safety nets”, [113]
OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19), <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/supporting-livelihoods-during-the-covid-19-crisis-closing-the-gaps-in-safety-nets-17cbb92d/>
 (accessed on 13 June 2020).
- OECD (2020), “Who Cares? Attracting and Retaining Care Workers for the Elderly”, *OECD Health Policy Studies*, OECD Publishing, Paris, [42]
<https://doi.org/10.1787/92c0ef68-en> (accessed on 14 January 2021).]
- OECD (2020), “Women at the core of the fight against COVID-19 crisis”, *OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19)*, [44]
<https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/women-at-the-core-of->]

- [the-fight-against-covid-19-crisis-553a8269/](#) (accessed on 14 September 2020).
- OECD (2019), *Corporate Governance in MENA: Building a Framework for Competitiveness and Growth*, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/20776535> (accessed on 23 November 2020). [99]
- OECD (2019), *From Promises to Action: Addressing discriminatory social institutions to accelerate gender equality in G20 countries*, http://www.oecd.org/dev/development-gender/OECD_DEV_W20-report_FINAL.pdf (accessed on 22 November 2020). [116]
- OECD (2019), *Gender, Institutions and Development Database (GID-DB)*, <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=GIDDB2019> (accessed on 25 August 2020). [46]
- OECD (2019), *Promoting Gender Equality in Eurasia*, <https://www.oecd.org/eurasia-week/Promoting-Gender-Equality-Eurasia-Feb2019.pdf>. [79]
- OECD (2019), “SIGI 2019 Regional Report for Eurasia”, *Social Institutions and Gender Index*, OECD, Paris, <https://doi.org/10.1787/f6dfa21d-en> (accessed on 20 November 2020). [5]
- OECD (2019), *Women at Work in G20 countries: Progress and policy action*, <https://www.oecd.org/g20/summits/osaka/G20-Women-at-Work.pdf> (accessed on 22 November 2020). [118]
- OECD (2018), *Bridging the digital gender divide*, <http://www.oecd.org/internet/bridging-the-digital-gender-divide.pdf> (accessed on 28 January 2021). [11]
- OECD (2018), *Levels of financial literacy in Eurasia*, <http://www.oecd.org/financial/education/globalpartnerships/cis/financial-literacy-cis-countries-survey-EN.pdf> (accessed on 14 January 2021). [92]
- OECD (2018), “OECD Reviews of Health Systems: Kazakhstan 2018”, *OECD Reviews of Health Systems*, <https://doi.org/10.1787/9789264289062-en> (accessed on 7 January 2021). [30]
- OECD (2017), , *The Pursuit of Gender Equality: An Uphill Battle*, <http://dx.doi.org/10.1787/9789264281318-en> (accessed on 20 November 2020). [7]
- OECD (2017), *2013 OECD Recommendation of the Council on Gender Equality in Education, Employment and Entrepreneurship*, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/9789264279391-en> (accessed on 14 January 2021). [111]
- OECD (2012), , *Closing the Gender Gap: Act Now*, <https://dx.doi.org/10.1787/9789264179370-en> (accessed on 24 February 2021). [4]
- OECD (2011), *OECD Guidelines for Multinational Enterprises*, <http://www.oecd.org/daf/inv/mne/48004323.pdf> (accessed on 18 November 2020). [117]
- OECD (2008), , *Service Delivery in Fragile Situations*, <https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/40886707.pdf> (accessed on 20 November 2020). [18]
- OECD (forthcoming), *The sudden loss of a social buffer: COVID-19 and informality in Eurasia*. [94]
- OECD/ILO (2019), *Tackling Vulnerability in the Informal Economy*, <http://www.oecd.org/fr/publications/tackling-vulnerability-in-the-informal-economy-939b7bcd-en.htm>. [87]
- OSCE (2019), *Well-being and safety of women*, <https://www.osce.org/files/f/documents/5/b/418913.pdf>. [45]
- Pfeffer, M. and G. Oudit (2020), “Plasma angiotensin-converting enzyme 2: novel biomarker in heart [13]

- failure with implications for COVID-19”, *European Heart Journal*, <https://doi.org/10.1093/eurheartj/ehaa414> (accessed on 20 November 2020).
- Prokhorova, A. (2018), “Remittances in North and Central Asian Countries: Enhancing Development Potential”, *Asia-Pacific Population Journal*, Vol. 32/2, pp. 9 - 59, <https://doi.org/10.18356/26c33c69-en>. [93]
- Radio Svoboda (2020), “ДЕТАЛІ”, *Домашнє насильство: кого і за що карає закон?*, <https://www.radiosvoboda.org/a/details/29000805.html> (accessed on 14 September 2020). [57]
- Ragonese, C. (2019), *Masculine Norms and Men’s Health: Making the Connections: Promundo*, https://promundoglobal.org/wp-content/uploads/2019/02/Masculine-Norms-Mens-Health-Report_007_Web.pdf. [15]
- Roberton, T. et al. (2020), “Early estimates of the indirect effects of the COVID-19 pandemic on maternal and child mortality in low-income and middle-income countries: a modelling study”, *The Lancet Global Health*, Vol. 8/901–08, pp. 861-863, [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(20\)30229-1](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30229-1). [8]
- Romanenko, M. (2020), “Domestic violence is a pandemic within a pandemic”, *UN Women Ukraine Report on Coronavirus Impact*, <https://en.hromadske.ua/posts/domestic-violence-is-a-pandemic-within-a-pandemic-un-women-ukraine-rep> (accessed on 28 June 2020). [19]
- Simon Fraser University (2020), *COVID-19 Gender Matrix*, <https://www.genderandcovid-19.org/matrix/>. [10]
- Taquet, M. et al. (2020), “Bidirectional associations between COVID-19 and psychiatric disorder: retrospective cohort studies of 62 354 COVID-19 cases in the USA”, *The Lancet Psychiatry*, [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30462-4](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30462-4) (accessed on 15 February 2021). [27]
- The Astana Times (2021), *Mass Vaccination Begins in Kazakhstan*, <https://astanatimes.com/2021/02/mass-vaccination-begins-in-kazakhstan/>. [35]
- The Financial Times (2021), *Japan suffers rise in female suicides during Covid-19 pandemic*, <https://www.ft.com/content/e7f1d6a7-d56e-423f-a7c8-0803af9a6f02>. [23]
- Titan, A. et al. (2020), “This Time It’s Different: The Role of Women’s Employment in a Pandemic Recession”, *Discussion Paper Series – CRC TR 224*, <https://www.crctr224.de/en/research-output/discussion-papers/archive/2020/DP198> (accessed on 4 November 2020). [68]
- Twigg, J. (2017), “Ukraine’s Health Sector: Sustaining Momentum for Reform”, *CSIS Global Health Policy Centre*, <https://www.csis.org/analysis/ukraines-health-sector> (accessed on 18 November 2020). [31]
- UK, P. (ed.) (2019), “The Invisible Women”, in *The Invisible Women: Exposing Data Bias in a World Designed for Men*, New York: Abrams Press, https://books.google.fr/books/about/Invisible_Women.html?id=MKZYDwAAQBAJ&printsec=frontcover&source=kp_read_button&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false. [97]
- UN (2020), *Policy Brief: COVID-19 and the Need for Action on Mental Health*, <https://unsdg.un.org/sites/default/files/2020-05/UN-Policy-Brief-COVID-19-and-mental-health.pdf> (accessed on 15 February 2021). [22]
- UN Women (2020), *From Insights to Action: Gender Equality in the Wake of COVID-19*, <https://www.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2020/gender-equality-in-the-wake-of-covid-19-en.pdf?la=en&vs=5142> (accessed on 24 February 2021). [3]

- UN Women (2020), “In Kyrgyzstan, pandemic-related domestic violence increases vulnerabilities”, *UN Women*, <https://eca.unwomen.org/en/news/stories/2020/8/in-kyrgyzstan-pandemic-related-domestic-violence-increases-vulnerabilities> (accessed on 14 August 2020). [47]
- UN Women (2020), *Keep the promise, accelerate the change: Taking stock of gender equality in Europe and Central Asia 25 years after Beijing*, <https://www2.unwomen.org/-/media/field%20office%20eca/attachments/publications/2020/10/beijing%20report-min.pdf?la=en&vs=313> (accessed on 11 February 2021). [12]
- UN Women (2020), “The impact of Covid-19 on Women’s and men’s lives and livelihoods in Europe and Central Asia”, *Preliminary results from a Rapid Gender Assessment*, <https://eca.unwomen.org/en/digital-library/publications/2020/07/the-impact-of-covid19-on-womens-and-mens-lives-and-livelihoods> (accessed on 12 January 2021). [11]
- UN Women (2020), “The United Nations in Ukraine and the Wild Theater present NEW SCARS, an interactive theater project against gender-based violence”, *Europe and Central Asia*, <https://eca.unwomen.org/en/news/stories/2020/12/the-un-in-ukraine-and-the-wild-theater-present-new-scars-an-interactive-theater-project-against-gbv> (accessed on 10 December 2020). [83]
- UN Women (2020), “Women at the forefront of COVID-19 response in Europe and Central Asia: Voices of gender equality mechanisms on COVID-19”, *UN Women Series*, <https://eca.unwomen.org/en/digital-library/publications/2020/06/voices-of-gender-equality-mechanisms-on-covid-19> (accessed on 14 July 2020). [50]
- UN Women (2018), “Women’s economic inactivity and engagement in the informal sector in Georgia”, *Causes and Consequences*, https://caucasusbarometer.org/downloads/UN_Women_Georgia_Eng.pdf (accessed on 18 February 2021). [59]
- UN Women Ukraine (2020), , *Rapid gender assessment of the situation and needs of women in the context of COVID-19 in Ukraine*, https://www2.unwomen.org/-/media/field%20office%20eca/attachments/publications/2020/06/rapid%20gender%20assessment_eng-min.pdf?la=en&vs=3646 (accessed on 17 February 2021). [39]
- UNDP (2021), *COVID-19 Global Gender Response Tracker*, <https://data.undp.org/gendertracker/>. [109]
- UNECE (2020), *The UNECE Statistical Programme*, https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/bur/2020/October/14_SP_2021_approved.pdf. [122]
- UNESCO (2021), “Central and Eastern Europe, Caucasus and Central Asia: inclusion and education: all means all”, *Global Education Monitoring Report*, UNESCO Publishing, Paris, <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000375517> (accessed on 16 February 2021). [67]
- UNESCO (2021), *Country Profile: Afghanistan*, <http://uis.unesco.org/country/AF>. [63]
- UNESCO (2020), *Policy Brief: Education during COVID-19 and beyond*, https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_policy_brief_covid-19_and_education_august_2020.pdf. [64]
- UNFPA (2020), *Eastern Europe and Central Asia Region: COVID-19 Situation Report No. 9*, https://www.unfpa.org/sites/default/files/resource-pdf/EECARO_COVID-19_UNFPA_Sitrep9_October.pdf. [107]
- UNFPA Ukraine (2020), *(Un)safe home: how the Ministry of Internal Affairs of Ukraine counteracts domestic violence under quarantine*, <https://ukraine.unfpa.org/en/news/unsafe-home-how-ministry-> [48]

[internal-affairs-ukraine-counteracts-domestic-violence-under.](#)

- UNIAN (2020), *Health minister: Over 9,200 children, 12,300 healthcare workers contract COVID-19*, [41]
<https://www.unian.info/society/stepanov-over-9-200-children-12-300-healthcare-workers-contract-covid-19-11140574.html> (accessed on 15 September 2020).]
- UNICEF (2020), *Gender alert on COVID-19 in Afghanistan*, [20]
<https://www.unicef.org/afghanistan/media/5026/file/English%20.pdf>.]
- UNIDO (2020), *Impact Assessment of COVID-19 on Afghanistan's Manufacturing Firms*, [78]
https://www.unido.org/sites/default/files/files/2021-03/UNIDO%20COVID19%20Assessment_Afghanistan_FINAL.pdf.]
- WHO (2021), *The Covax Facility: Interim Distribution Forecast*, [34]
<https://www.who.int/publications/m/item/the-covax-facility-interim-distribution-of-forecast>.]
- WHO (2021), *Who can take the Pfizer-BioNTech COVID-19 vaccine?*, [104]
<https://www.who.int/news-room/feature-stories/detail/who-can-take-the-pfizer-biontech-covid-19--vaccine>.
- WHO (2020), *Coronavirus and pregnancy – preserving maternal health across the European Region*, [101]
<https://www.euro.who.int/en/countries/germany/news/news/2020/6/coronavirus-and-pregnancy-preserving-maternal-health-across-the-european-region>.
- WHO (2020), “COVID-19 and the disruption of noncommunicable disease services: snapshot of survey results for the European Region”, *World Health Organization. Regional Office for Europe*, [17]
<https://apps.who.int/iris/handle/10665/337813> (accessed on 31 January 2021).]
- WHO (2020), “Ukraine: WHO Special Initiative for Mental Health Situational Assessment”, *Global Mental Health*, [28]
https://www.who.int/docs/default-source/mental-health/special-initiative/who-special-initiative-country-report---ukraine---2020.pdf?sfvrsn=ad137e9_4 (accessed on 24 February 2021).]
- WHO (ed.) (2019), “Delivered by women, led by men”, in *Delivered by women, led by men: A gender and equity analysis of the global health and social workforce*, WHO, [96]
<https://apps.who.int/iris/handle/10665/311322>.]
- WHO (2018), *The health and well-being of men in the WHO European Region: better health through a gender approach*, [106]
<https://www.euro.who.int/en/publications/abstracts/the-health-and-well-being-of-men-in-the-who-european-region-better-health-through-a-gender-approach-2018>.
- WHO and Pan American Health Organization (2020), “The impact of COVID-19 on mental, neurological and substance use services: Results of a rapid assessment”, *Be Aware. Prepare. Act.*, [29]
https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/52999/PAHONMHMHCovid-19200044_eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed on 14 February 2021).]
- Women Go Tech (2021), *Empowering Talents to Discover Tech*, [119]
<https://www.womengotech.lt/en/>.
- World Bank (2020), *Proportion of seats held by women in national parliaments (%)*, [98]
<https://data.worldbank.org/indicator/SG.GEN.PARL.ZS>.]
- World Bank (2020), “Response to COVID-19 in Europe and Central Asia”, *World Bank Group Education*, [66]
<http://pubdocs.worldbank.org/en/862141592835804882/ECA-Education-Response-Note-v9-final.pdf>]
 (accessed on 17 February 2021).
- World Bank (2019), *Employment in agriculture (% of female and male employment) (modelled ILO* [77]
]

- estimate*), <https://data.worldbank.org/indicator/SL.AGR.EMPL.FE.ZS> (accessed on 12 February 2021).
- World Bank (2019), *Employment in agriculture (% of total employment) (modeled ILO estimate)*, [74
1
<https://data.worldbank.org/indicator/SL.AGR.EMPL.ZS>.
- World Bank (2019), *Vulnerable employment, male and female (% of total employment) (modeled ILO estimate)*, [82
1
<https://data.worldbank.org/indicator/SL.EMP.VULN.FE.ZS> (accessed on 12 February 2021).
- World Bank (2017), *Account ownership at a financial institution or with a mobile-money-service provider (% of population ages 15+)*, [91
1
<https://data.worldbank.org/indicator/FX.OWN.TOTL.ZS>.
- World Bank (2017), *G20 Financial Inclusion Indicators*, [90
1
<https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=g20-basic-set-of-financial-inclusion-indicators>.
- World Bank (2017), *Out-of-pocket expenditure (% of current health expenditure)*, [32
1
<https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.OOPC.CH.ZS>.
- World Economic Forum (2019), *Global Gender Gap Report 2020*, [21
http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (accessed on 2 February 2021).

ОЭСР тесно сотрудничает с правительствами, частным сектором, гражданским обществом и международными партнерами в целях разработки политических рекомендаций, способствующих достижению гендерного равенства в Восточной Европе, странах Закавказья и Центральной Азии — регионе Евразии. В настоящей аналитической записке описаны результаты анализа гендерных препятствий, с которыми женщины Евразии сталкиваются на фоне пандемии COVID-19, начиная от неравенства в оплате труда и занятости до бытового насилия и проблем с доступом к здравоохранению. Отчет предлагает пять комплексов мер, призванных обеспечить устойчивое и инклюзивное восстановление для всех: (1) меры по упрощению доступа женщин к общественному здравоохранению и услугам, (2) меры по защите неприкосновенности женщин и снижению уровня бытового насилия, (3) меры по расширению экономических прав и возможностей женщин и повышению уровня их социального благополучия, (4) меры по повышению влияния женщин в общественной сфере и (5) инструменты и процессы для повышения качества принятия политических решений с учетом гендерных аспектов.